

КЪ ПСИХОЛОГИИ

МИКРОЦЕФАЛОВЪ.

С. С. Корсакова,

э. о. профессора Московскаго университета.

Отдѣльный оттискъ изъ журнала „Вопросы Философіи и Психологіи“.

Типо-литографія

МОСКВА.

Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и Н.
Пименовская улица, собств. домъ.

1894.

КЪ ПСИХОЛОГИИ

МИКРОЦЕФАЛОВЪ.

С. С. Корсакова,

д. о. профессора Московскаго университета.

Отдѣльный оттискъ изъ журнала „Вопросы Философiи и Психологiи“.

МОСКВА.

Типо-литографiя Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и №.
Пименовская ул., соб. д.

1894.

Дозволено цензурою. Москва, 22 января 1894 г.

Къ психологіи микроцефаловъ.

(Сообщеніе, сдѣланное въ засѣданіи Психологическаго Общества 1-го мая 1893 года, происходившемъ въ Психіатрической Клиникѣ Московскаго Университета).

Наука, изученію которой посвящено мѣсто нашего сегодняшняго собранія, ставя часто задачи, которыя для своего рѣшенія требуютъ знакомства съ существующими психологическими воззрѣніями, съ своей стороны, даетъ нерѣдко матеріаль, благодаря которому, нѣкоторыя психологическія проблемы, если не разрѣшаются, то, по крайней мѣрѣ, выясняются и иллюстрируются.

Природа производитъ подчасъ эксперименты, которые даютъ возможность освѣтить многія темныя области психологіи. Такъ, всѣмъ извѣстно, какое большое значеніе для выясненія акта человѣческой рѣчи имѣли наблюденія надъ больными, имѣвшими поврежденіе лѣваго Рейлева островка и прилежащихъ частей лобныхъ и височныхъ долей головного мозга. Многія свойства человѣческой памяти намъ тоже стали извѣстны изъ наблюденій надъ больными. Наконецъ, всѣми признанное предположеніе о зависимости душевной дѣятельности отъ дѣятельности головного мозга съ очевидностью доказывается въ психіатрической практикѣ на случаяхъ паралельнаго упадка душевной жизни и уничтоженія элементовъ мозговой ткани. Все это дѣлаетъ случаи психическихъ аномалій научно интересными не только для специалистовъ врачей, но и для психологовъ вообще, и внимательное изученіе признаковъ душевныхъ болѣзней, несомнѣнно, можетъ доставить профессиональнымъ психологамъ большую пользу даже въ области чисто-теоретическихъ воззрѣній. Съ этой точки зрѣнія, большой и всѣми признанный интересъ для психологовъ

представляет та категория индивидуумовъ, у которыхъ, благодаря неправильности въ развитіи организма, происходитъ недостаточное развитіе головного мозга и въ зависимости отъ этого неразвитіе, или недоразвитіе психической жизни. Такіе индивидуумы носятъ названіе идіотовъ, или слабоумныхъ отъ рожденія—и, представляя самыя разнообразныя степени развитія различныхъ сторонъ психической дѣятельности, даютъ громадный матеріалъ для изученія законовъ душевной жизни и у нормальнаго, здороваго человѣка.

Объ одномъ индивидуумѣ, принадлежащемъ къ этой категоріи, идетъ рѣчь и въ предлагаемомъ очеркѣ.—Дѣло идетъ о случаѣ микроцефаліи.

Микроцефалія *)—значитъ буквально малоголовіе; но не всякое малоголовіе можетъ быть названо микроцефаліей. У карлика голова очень мала, но это будетъ не микроцефалія, такъ какъ у него голова пропорціональна другимъ частямъ его тѣла; у настоящаго же микроцефала голова необыкновенно мала именно по отношенію къ его тѣлу. При этомъ всегда оказывается, что и отдѣльныя части головы непропорціональны между собою: такъ, лицевая часть головы оказывается развитою такъ же, какъ у нормальныхъ людей, а та часть черепа, которая составляетъ собственно мозговую коробку, развита крайне недостаточно, соотвѣтственно чему и головной мозгъ чрезвычайно малъ сравнительно съ другими органами. Такимъ образомъ, микроцефаліей въ собственномъ смыслѣ слова называется такое малоголовіе, при которомъ величина черепной коробки, и соотвѣтственно этому головного мозга, значительно отстаетъ въ своемъ отношеніи къ величинѣ туловища и лица.

Какая степень уменьшенія величины черепной коробки и головного мозга должна быть, чтобы можно было назвать данный черепъ микроцефалическимъ, рѣшить трудно. Знаменитый антропологъ Брокъ считаетъ, что если вѣсъ головного мозга будетъ ниже 1049 граммъ у взрослога мужчины (вмѣсто нормальнаго средняго вѣса 1362 граммъ) и ниже 907 у взрослой женщины (вмѣсто нормальнаго 1219 граммъ), то это будетъ свидѣтельство-

*) *Μικρός* (малый) и *κεφαλή* (голова). Какъ многіе медицинскіе термины, составленные изъ греческихъ словъ, но прошедшіе черезъ латинскій языкъ, и это слово въ произношеніи искажено; вмѣсто «микроцефалія» принято говорить «микроцефалія».

вать о микроцефалии. Въ дѣйствительности же, при рѣзко развитой микроцефалии головной мозгъ вѣситъ обыкновенно гораздо меньше. Онъ иногда не превышаетъ 300—400 граммъ; такъ, наприѣръ, мозгъ взрослога микроцефала Мотея, описанный профессоромъ И. П. Мержеевскимъ, вѣсилъ 369 граммъ; мозгъ 26-ти лѣтняго микроцефала, описанный Тейле, вѣсилъ не болѣе 300 граммъ, а мозгъ микроцефалки Антоніи Гордони вѣсилъ всего 289 граммъ. Но, какъ было сказано, нельзя для опредѣленія микроцефалии брать лишь абсолютную величину мозга.—нужно брать отношеніе этой величины къ величинѣ всего тѣла. Это отношеніе при микроцефалии чрезвычайно рѣзко измѣнено. У взрослыхъ отношеніе нормальнаго мозга къ вѣсу тѣла равно 1:33, а у микроцефаловъ оно приблизительно 1:100 и часто еще менѣе. Такъ, отношеніе вѣса мозга микроцефала, описаннаго И. П. Мержеевскимъ, было всего 1:250. Правда, мозгъ этого микроцефала представляетъ единственный экземпляръ человѣческаго мозга по малости отношенія его вѣса къ вѣсу тѣла.

Соотвѣтственно крайне недостаточному развитію мозга, и психическая дѣятельность микроцефаловъ развивается обыкновенно крайне слабо, такъ что всѣ они представляютъ большую или меньшую степень врожденнаго слабоумія.

Вѣроятно, многіе помнятъ, что лѣтъ 30 назадъ изученіе идіотовъ-микроцефаловъ привлекло къ себѣ всеобщее вниманіе натуралистовъ, вслѣдствіе того, что извѣстный женеvскій ученый Карлъ Фохтъ связалъ результаты своихъ изслѣдованій о микроцефалахъ съ вопросомъ о происхожденіи человѣка и увидалъ въ микроцефалахъ проявленіе родства человѣка съ антропоморфными обезьянами. Я позволю себѣ привести слова профессора И. П. Мержеевскаго, служащія введеніемъ къ его изслѣдованію микроцефалическаго мозга *), такъ какъ они были написаны въ то время, когда этотъ вопросъ еще не потерялъ своей жгучести, и такъ какъ въ нихъ очень опредѣленно и ясно высказывается сущность дѣла:

«Идіоты-микроцефалы,—пишетъ И. П. Мержеевскій,—всегда обращали на себя вниманіе антропологовъ, для которыхъ они составляли спорный предметъ въ вопросѣ о происхожденіи чело-

*) И. П. Мержеевскій: „Микроцефализмъ“.—Архивъ Судебной Медицины, 1871, № 3.

вѣка. Наружность этихъ идиотовъ вообще, ихъ малый черепъ съ сильно сплюснутымъ и покатымъ лбомъ, съ затылкомъ, значительно выпуклымъ въ своей нижней части, косою профиль лица съ чрезвычайно развитыми надбровными дугами, глаза на выкатѣ,— все это придавало этимъ существамъ видъ обезьянъ, и наблюдатели уже давно описывали ихъ подъ именемъ обезьяно-подобныхъ людей. Если присоединить къ этому слабое умственное развитіе этихъ идиотовъ, скудость ихъ мыслей и отвлеченныхъ понятій, полное отсутствіе или большую ограниченность рѣчи, большую подвижность и ловкость въ совершеніи самыхъ разнообразныхъ движеній, которыя нерѣдко замѣчаются у микроцефаловъ, то сходство послѣднихъ съ человѣко-подобными обезьянами представляется еще болѣе поразительнымъ. Не удивительно, что нѣкоторые изъ новѣйшихъ естествоиспытателей считаютъ микроцефаловъ по развитію ихъ мозга и черепа представителями тѣхъ переходныхъ формъ, которыя предшествовали человѣку на пути совершенствованія его вида и которыя, слѣдовательно, заслуживаютъ названія прародичей его. Поклонники ученія Дарвина, который выводитъ происхожденіе человѣка отъ четверорукихъ Стараго Свѣта и, на основаніи различныхъ умозрительныхъ соображеній, описываетъ даже наружность нашего прародича, находятъ въ микроцефалахъ-идиотахъ, преимущественно же въ устройствѣ ихъ мозга и черепа,—доказательства обратнаго возврата человѣка къ тому первоначальному существу, отъ котораго онъ произошелъ. Они утверждаютъ, что еслибы былъ найденъ окаменѣлый образецъ такого существа, то тогда оказалось бы, что это первоначальное существо не представляло ни совершеннаго человѣка, ни совершенную обезьяну, а что-то среднее между ними, къ чему приближаются микроцефалы, потому что ходъ естественнаго, обыкновеннаго развитія въ этихъ случаяхъ останавливается и природа какъ бы оставляетъ воспоминаніе о первоначальномъ существѣ. Дарвинисты приводятъ въ подтвержденіе своей теоріи многіе примѣры, такъ называемой, скрытой наследственности, наблюдаемой нерѣдко въ животномъ царствѣ; у нѣкоторыхъ видовъ она повторяется съ извѣстною стереотипною законностью: такъ, наприм., у морскихъ воронокъ, принадлежащихъ къ классу *Nimotea*, дѣти похожи не на родителей, а на своихъ прадедовъ; слѣдующее отъ этихъ дѣтей потомство похоже на дѣда, и только въ слѣдующемъ за нимъ поколѣніи отражается

первоначальный типъ родителей, взятыхъ за исходный пунктъ наблюденій. Но Дарвинъ принимаетъ еще а т а в и з м ъ, заключающійся въ томъ, что у высшихъ типовъ только *нѣкоторые* органы или части тѣла могутъ возвращаться въ своемъ развитіи къ болѣе низшему типу, не нарушая высшаго развитія *остальныхъ* органовъ и частей тѣла. — Микроцефализмъ, по этой теоріи, принадлежитъ къ тѣмъ случаямъ, въ которыхъ мозгъ людей, во время ихъ зародышевой жизни, можетъ отклониться отъ нормального типа и развиваться по типу, который присущъ существу, принимаемому за нашего прародича. Но далеко не всѣ естествоиспытатели придерживаются такого мнѣнія: другіе считаютъ микроцефаловъ за людей, мозгъ которыхъ въ зародышевой жизни подвергся, вслѣдствіе неизвѣстныхъ до сихъ поръ причинъ, измѣненіямъ, пріостановившимъ его развитіе на ступени, свойственной различнымъ фазамъ зародышевой жизни, начиная съ 5-го до 9-го мѣсяца. Къ представителямъ перваго лагеря принадлежитъ Карль Фохтъ, къ представителямъ противоположнаго лагеря — Грасіоле, Рудольфъ Вагнеръ и въ новѣйшее время Юлій Зандеръ^{*)}.

Къ этимъ словамъ, написаннымъ въ 1871-мъ году, можно прибавить, что число противниковъ К. Фохта все возрастаетъ, а сторонниковъ его почти нѣтъ.

Дѣйствительно, не смотря на то, что работа Карла Фохта^{*)} была чрезвычайно хорошо исполнена и онъ пользовался для нея трудно доступнымъ матеріаломъ и всѣми литературными данными, тѣмъ не менѣе выводы его не выдержали критики. Карль Фохтъ, собравъ 42 случая микроцефалии, извѣстные въ литературѣ, изслѣдовавъ 9 череповъ микроцефаловъ, которые у него были, и слѣпки съ нѣкоторыхъ мозговъ, пришелъ къ заключенію, что у микроцефаловъ наблюдается полное отсутствіе гармоніи въ развитіи, съ одной стороны, костей черепной коробки, а съ другой — лица. *Кости лица* не отличаются отъ костей нормальныхъ людей, и лицо не представляетъ никакихъ особенностей, кромѣ явно выраженного прогнатизма. Наоборотъ, *черепная коробка* представляетъ рѣзкое уклоненіе отъ строенія нормального черепа — именно, сильную покатость лба, сильное развитіе лобныхъ пазухъ и надбровныхъ дугъ, сплюснутость лобныхъ костей, вдавленіе

^{*)} «Малоголовые», перев. Бера и Карабановича. подъ ред. и съ предисловіемъ Н. П. Вагнера. С.-Пб. 1873.

верхней части затылочной кости и отклоненіе назадъ затылочнаго отверстія. Черепъ микроцефала, по мнѣнію Фохта, долженъ занять переходное мѣсто между черепомъ орангъ-утанга и гориллы, причемъ онъ стоитъ по развитію выше послѣдняго и ниже перваго.

К. Фохтъ изучалъ также форму головного мозга микроцефаловъ по имѣвшимся у него гипсовымъ слѣпкамъ и на этихъ же слѣпкахъ опредѣлялъ величину объема мозга и всей его поверхности, а также и величину поверхности отдѣльныхъ частей мозга. Онъ пришелъ къ заключенію, что мозгъ микроцефаловъ похожъ, по своей *наружной формѣ*, на мозгъ антропоморфныхъ обезьянъ (главнымъ образомъ, по чрезмѣрно клювообразному виду передней части мозга микроцефаловъ и по рисунку Сильвиевой борозды). По измѣреніямъ К. Фохта оказалось, что общая поверхность мозга микроцефаловъ превышаетъ поверхность мозга молодыхъ обезьянъ и равняется только половинѣ поверхности мозга нормальнаго бѣлаго человѣка, и что уменьшеніе величины мозга больше всего зависитъ отъ малаго размѣра темянныхъ и лобныхъ долей, поверхность которыхъ приближается къ среднимъ величинамъ поверхности соответствующихъ долей у обезьянъ. Дѣйствительно, при изслѣдованіи головного мозга микроцефаловъ оказалось, что мозжечекъ развитъ у нихъ почти такъ же, какъ у нормальныхъ людей, продолговатый мозгъ также, и только полушарія (такъ называемый, передній мозгъ) представляютъ рѣзкія уклоненія въ развитіи, причемъ особенно рѣзки эти уклоненія въ темянныхъ и лобныхъ доляхъ и слабѣе всего въ височныхъ.

Изученіе поверхности мозга микроцефаловъ и ихъ череповъ привело К. Фохта къ заключенію, что различныя части мозга микроцефаловъ развиваются не по одному и тому же типу, а по двумъ, — а именно: основаніе мозга, мозжечекъ и отчасти височныя доли у нихъ развиваются по типу человѣческаго мозга, а выпуклыя части полушарій—по типу обезьянъ, особенно темянныя и лобныя доли, и нѣсколько менѣе заднія доли. Изъ этого К. Фохтъ выводилъ, что микроцефалы—это такія существа, у которыхъ развитіе черепа, а также и лобныхъ и темянныхъ долей мозга совершается по типу гипотетическаго прародича, предполагаемаго Дарвиномъ; во всемъ же остальномъ они развиты по-человѣчески. Этой теоріей частичнаго атавизма К. Фохтъ и объяснял происхожденіе микроцефаловъ и находилъ подтвержденіе ея въ изученіи

развитія психической жизни микроцефаловъ, далеко отстающей отъ психической жизни человѣка и приближающейся по нѣкоторымъ чертамъ (напримѣръ, по присущей многимъ микроцефаламъ подражательности)—къ обезьянамъ.

Изслѣдованія другихъ авторовъ не подтвердили однако воззрѣній К. Фохта. Уже Грасіоле *), Вагнеръ **) и Вирховъ указывали, что вѣроятнѣе всего въ основѣ микроцефалии лежатъ *патологическіе* процессы, и послѣдующіе авторы подтвердили это. Оказалось, что изслѣдованія, произведенныя К. Фохтомъ на гипсовыхъ слѣпкахъ съ мозговъ микроцефаловъ, не могутъ считаться достаточно точными, а Ю. Зандеръ ***), имѣвшій для своихъ изслѣдованій натуральный мозгъ микроцефала Фридриха Зона,—указалъ, что К. Фохтъ, пользовавшійся только слѣпкомъ съ этого мозга, впалъ въ ошибку, принявъ одну часть мозга за другую. Оказалось, что тѣ данныя, на которыхъ К. Фохтъ строилъ свою теорію атавизма, далеко не достовѣрны и что, если и есть нѣкоторое сходство мозга микроцефаловъ съ мозгомъ обезьянъ, то во всякомъ случаѣ оно не особенно большое, и что гораздо болѣе мозгъ микроцефаловъ похожъ на мозгъ человѣческаго плода до рожденія. Это заставило почти всѣхъ изслѣдователей, занимавшихся микроцефализмомъ, считать наиболѣе вѣроятнымъ, что малоголовіе въ этихъ случаяхъ обусловливается *задержкою развитія* головного мозга, вызванною какими-нибудь причинами, имѣвшими мѣсто въ теченіе утробной жизни и повліявшими на развитіе головного мозга настолько, что онъ навсегда остался на такой степени развитія, которая для нѣкоторыхъ частей мозга соотвѣтствуетъ мозгу послѣднихъ мѣсяцевъ утробной жизни человѣческаго плода. Въ послѣднее время, на основаніи изслѣдованій Штейнлехнеръ-Гречишниковой****) можно думать, что иногда патологическія условія, вызывающія остано-

*) Gratiolet et Leuret. Anatomie comparée du système nerveux. Paris, 1839—1857, и Gratiolet. Observations sur la microcéphalie. Bullet. de la soc. d'Anthrop. de Paris. I, p. 34 и II, ст. 68.

**) K. Wagner. Vorstudien zu einer wissenschaftlichen Morphologie des menschlichen Gehirns. als Seelenorgan. Über den Hirnbau der Microcephalen etc. 1862.

***) Sander. Beschreibung zweier Microcephalen—Gehirne. Arch. f. Psychiatrie. I B. 229.

****) Arch. für Psychiatrie. XVII. 643.—Steinlechner Gretschnikoff—Ueber den Bau des Rückenmarkes bei Microcephalen.

ку развитія мозга, могутъ быть не только во время утробной жизни, но и въ первое время послѣ рожденія.

Вслѣдствіе задержки въ развитіи мозга, величина его чрезвычайно уменьшается сравнительно съ нормальною; соотвѣтственно этому, уменьшается и величина костной коробки, содержащей мозгъ, причемъ нерѣдко въ самыхъ костяхъ черепа замѣчаются патологическія измѣненія, каковы: уплотненіе и утолщеніе костей, преждевременное зарощеніе черепныхъ швовъ, слишкомъ раннее закрытіе фонтанели и нѣкоторыя другія.

Что касается до условій, которыя вызываютъ остановку въ развитіи мозга при микроцефаліи, то они неизвѣстны и, вѣроятно, довольно разнообразны. Иногда, несомнѣнно, имѣетъ вліяніе какое-то семейное расположеніе. Въ одномъ нѣмецкомъ семействѣ Беккеръ было 4 дѣтей микроцефаловъ. У одного голландца изъ 14 человекъ дѣтей было тоже 4 микроцефала *). Такое совпаденіе отмѣчается нерѣдко; та микроцефалка, о которой идетъ рѣчь въ моемъ очеркѣ, имѣла сестру тоже микроцефалку.

Кромѣ семейнаго расположенія къ аномальному развитію мозга, въ нѣкоторыхъ случаяхъ вызываютъ остановку развитія мозга и какіе-нибудь очаговые (воспалительные и другіе) процессы, имѣвшіе мѣсто въ періодъ утробной жизни или въ первые мѣсяцы послѣ рожденія. Такъ, въ одномъ случаѣ найдены склеротическія измѣненія въ головномъ мозгу. У 9-ти лѣтняго микроцефала Франца Беккера профессоръ Флешъ констатировалъ рѣзко выраженную водянку головного мозга, въ связи съ чѣмъ затылочныя доли представлялись какъ бы пузырями съ тонкими стѣнками; въ другомъ случаѣ того же Флеша и Штейнлехнеръ-Гречишниковой было вдавленіе на поверхности мозга, которое походило на ложную порэнцефалію.—Въ нѣкоторыхъ случаяхъ вмѣстѣ съ уменьшеніемъ головного мозга замѣчалось и уменьшеніе спинного мозга (микроміэлія), причемъ особенно рѣзкія отклоненія отъ нормы наблюдались въ пирамидныхъ путяхъ и Голлевыхъ столбахъ спинного мозга.

Изъ всего этого видно, что случаи микроцефаліи по своему происхожденію бываютъ довольно разнообразны и нѣкоторые изъ нихъ не отличаются по условіямъ своего развитія отъ другихъ случаевъ идіотизма и составляютъ какъ-бы переходныя ступени отъ микроцефаліи къ обычному идіотизму. Но есть все-таки слу-

*) Irland. Microcephaly—статья въ Dictionary of Psychological Medicine. т II.

чан, которые по преимуществу заслуживают названія «истиннаго микроцефализма», въ которыхъ при вскрытіи не находятъ никакихъ признаковъ, указывающихъ на слѣды воспалительныхъ или другихъ очаговыхъ процессовъ въ головномъ мозгу, въ которыхъ мозгъ имѣетъ одни лишь признаки задержки развитія. Хотя и эти случаи представляютъ нѣкоторыя различія въ деталяхъ строенія мозга, но все-таки здѣсь разнообразіе уже не столь велико. Для того, чтобы на конкретномъ примѣрѣ представить измѣненія въ мозгу, которыя наблюдаются въ подобныхъ случаяхъ, я вкратцѣ приведу результаты изслѣдованій И. П. Мержеевского надъ мозгомъ подобнаго субъекта. Какъ я упоминалъ, мозгъ этого субъекта вѣсилъ почти 369 граммъ. Въ немъ мозжечекъ, Варолиевъ мостъ и продолговатый мозгъ по размѣрамъ почти соотвѣтствовали нормѣ, тогда какъ большой мозгъ былъ почти вдвое меньше нормы. По своему виду, по положенію извилинъ и развитію долей, мозгъ этого микроцефала не былъ похожъ на мозгъ антропоморфныхъ обезьянъ, а приближался къ мозгу человеческого плода на 9-мъ мѣсяцѣ его утробной жизни, хотя по устройству Сильвиевой борозды, лобныхъ и теменныхъ долей онъ подходилъ къ еще болѣе низшимъ формамъ утробной жизни. Въ этомъ мозгу можно было констатировать рѣзкое несовершенство развитія извилинъ мозговой коры и отсутствіе нѣкоторыхъ частей мозга, какъ напр. отсутствіе *splenii corporis callosi* и *psalterii*.

У различныхъ микроцефаловъ, описаніе которыхъ производилось другими авторами, обыкновенно тоже констатируется почти нормальная величина мозжечка и продолговатаго мозга и очень слабое развитіе большого мозга; большинство изслѣдователей находили, что больше всего уменьшены теменные и лобные доли *).

Въ связи съ недоразвитіемъ мозга стоитъ и недоразвитіе психической дѣятельности, постоянно наблюдаемое у микроцефаловъ. Всѣ они—идіоты, т.-е. слабоумные отъ рожденія индивидуумы, причемъ, однако, степень слабоумія не у всѣхъ одинакова. Нѣкоторые изъ нихъ представляютъ крайнюю степень неразвитости психической дѣятельности, другіе проявляютъ кое-какіе про-

*) Болѣе подробными данными объ особенностяхъ мозга микроцефаловъ я не хочу утомлять читателей философскаго журнала; тѣмъ болѣе, что литература этого предмета довольно обширна.

блески интеллекта. Лишь въ исключительныхъ случаяхъ интеллектъ развитъ настолько, что микроцефаль, по размѣрамъ головы подходящей къ сильнымъ степенямъ микроцефалии, долженъ считаться не идіотомъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, а лишь тупоумнымъ и можетъ исполнять какое-нибудь дѣло (см. наблюденіе Бурневиля)*). Во всякомъ случаѣ, такіе индивидуумы не относятся къ наиболѣе типичнымъ случаямъ микроцефалии. Нужно замѣтить, что не всегда слабость развитія интеллектуальной дѣятельности находится въ правильной пропорціональности съ величиною и вѣсомъ мозга. Такъ, на примѣръ, Антонія Гордони, описанная профессоромъ Кордона и д-ромъ Адриани, обладала наименьшимъ по вѣсу головнымъ мозгомъ (289 граммъ), а между тѣмъ она умѣла танцевать, играть на цимбалахъ, знала имена лицъ и названія мѣстностей, чего обыкновенно микроцефалы не знаютъ**).

По психическимъ проявленіямъ, микроцефаловъ можно раздѣлить на двѣ группы. Одни изъ нихъ крайне вялы, апатичны; они большею частію неподвижны или совершаютъ какія-нибудь однообразныя автоматическія движенія; они тупо воспринимаютъ окружающее; у нѣкоторыхъ изъ нихъ, повидимому, даже кожная чувствительность крайне понижена: микроцефалка Маргарита Мелеръ не чувствовала даже ожоговъ. Умственная жизнь ихъ ничтожна. — Другую группу микроцефаловъ составляютъ субъекты очень живые, подвижные. Движенія такихъ микроцефаловъ очень разнообразны, правильно координированы; нѣкоторые изъ нихъ ловко влѣзаютъ на деревья; мимика ихъ очень живая, они чрезвычайно хорошо подражаютъ жестамъ, мимикѣ и голосу другихъ людей. Они быстро воспринимаютъ внѣшнія впечатлѣнія и реагируютъ на нихъ цѣлымъ рядомъ соответствующихъ рефлексовъ. Представленія у такихъ индивидуумовъ быстро смѣняются другъ друга, память не въ состояніи ихъ удерживать. При этомъ поразительна нестойкость вниманія. Про одну изъ такихъ микроцефалокъ, Софью Виссъ, К. Фохтъ пишетъ такъ***): «характерно постоянное безпокойство, такъ сказать, торопливая пытливость вниманія, которое постоянно перескакиваетъ

*) Bourneville et Wuillamié. Notes et observations sur la microcéphalie. Arch. de Neurologie 1882, стр. 52.

**) См. выше цитированную статью Microcephaly въ Dict. of Psychol. Medic. 1892.

***) «Малоголовые», стр. 218.

съ предмета на предметъ, нигдѣ не останавливаясь прочно и вызывая измѣнчивыя ощущенія, выражающіяся чрезвычайной подвижностью физиономіи. О Софьѣ сидѣлка замѣтила очень удачно: «она никогда не знаетъ покоя; смѣхъ и слезы у нея въ одномъ мѣшечкѣ». «Она постоянно вертитъ головой,—говорила сидѣлка,—какъ птичка въ клѣткѣ, и чутка, какъ мышка». «Она слѣдила,—продолжаетъ К. Фохтъ,—за нашими движеніями съ внимательностью обезьяны и пробовала повременамъ подражать имъ; лицо ея отражало наши впечатлѣнія. Она принимала участіе въ нашей веселости, большею частію, издавая горловые звуки, и только разъ захохотала болѣе человѣческимъ голосомъ; но какъ скоро наши лица становились серьезны, она тоже принимала серьезную мину. Наиболѣе удачно подражала она, однако, тѣмъ движеніямъ, которыя часто повторялись передъ ней; повидимому, это нужно для того, чтобъ она усвоила себѣ необходимую комбинацію мускуловъ и совладала съ нею. Поэтому молитвенные приемы, которые она видала нѣсколько разъ въ день, были усвоены ею всего лучше, даже съ подраженіемъ тону голоса и съ попыткой произнести членораздѣльный звукъ»... «Вообще, память ея не долго сохраняетъ впечатлѣнія. Тѣмъ не менѣе, нѣкоторыя впечатлѣнія удерживаются и остаются, потому что они чаще повторялись и сильнѣе подѣйствовали. Софья знаетъ людей, которые ею занимались; она любитъ однихъ и ненавидитъ другихъ; она постигла значеніе нѣкоторыхъ знаковъ, напр. поднятія пальца надзирательницы: «если я не подниму пальца,—говоритъ сидѣлка, она не послушается».—Ей знакомы по памяти нѣкоторые предметы: такъ, показанные ей карманные часы вызвали въ ней удовольствіе и, указывая на цѣпочку и ключикъ, она какъ бы давала знакъ, чтобы часы завели; она указывала на циферблатъ часовъ, подносила ихъ къ щекамъ и ко лбу, но почти никогда не къ уху. Когда Фохтъ далъ немного денегъ въ руку сидѣлки, она, подмѣтивъ это, старалась разжать руку ея, обыскивала карманы, въ которые та опускала руку, «очевидно предполагая, — говоритъ К. Фохтъ,—что я далъ ей что-нибудь съѣстное».

У нѣкоторыхъ микроцефаловъ существуетъ способность къ членораздѣльной рѣчи, которая, впрочемъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ незначительна, такъ что весь лексиконъ ихъ состоитъ изъ немногихъ словъ. Но иногда языкъ ихъ съ теченіемъ времени нѣсколько совершенствовался. У другихъ же микроцефаловъ

рѣчи вовсе не существуетъ. Такъ, о рѣчи Софьи Виссъ К. Фохтъ говоритъ такъ: «О членораздѣльной рѣчи и пониманіи ся имѣть и помину. Слова для нея—только звуки; она понимаетъ не смыслъ сказаннаго, а интонацію и мимику, которыми слова сопровождаются. Произнесенная ласковымъ голосомъ угроза принимается ею за ласку; ласка же, выраженная грознымъ тономъ и съ поднятіемъ указательнаго пальца—за угрозу. Единственное слово, которому она выучилась—«аминь», но и того она не выговариваетъ вполнѣ; оно звучитъ у нея почти какъ «хаммъ»,—гласная выговаривается съ сильнымъ придыханіемъ и походитъ на задержанное чиханье». Другіе микроцефалы, хотя и произносятъ звуки, заученные механически, но повторяютъ ихъ, какъ попугаи, не понимая смысла и значенія. Изрѣдка только, при возбужденіи, ими высказываются фразы, какъ бы имѣющія смыслъ.

Карль Фохтъ рѣшительно отрицаетъ, чтобы микроцефалы могли высказывать самостоятельную мысль. Онъ подвергаетъ критикѣ рассказъ о томъ, какъ одинъ изъ микроцефаловъ, Михаилъ Зонъ, описанный Юганномъ Мюллеромъ, будучи боленъ, сказалъ осмысленно: «голова болитъ», и полагаетъ, что въ этихъ словахъ нельзя видѣть проявленія мысли, а лишь машинальное повтореніе словъ, слышанныхъ ранѣе отъ матери. Какого бы то ни было творчества мысли Карль Фохтъ рѣшительно не признаетъ у микроцефаловъ, сравнивая отмѣчаемыя у нихъ иногда осмысленныя фразы со словами, произносимыми попугаями и чрезвычайно удачно совпадающими съ обстоятельствами. Брэмъ говоритъ о попугаѣ, который, захворавъ, произносилъ: «бѣдный попочка боленъ, очень боленъ», и К. Фохтъ указываетъ, что эта фраза превѣшиваетъ фразу Михаила Зона о головной боли. Микроцефалы, по мнѣнію К. Фохта, произнося слова, все-таки не могутъ считаться обладающими членораздѣльною рѣчью, какъ средствомъ сообщенія и усовершенствованія, какъ обладаетъ ею нормальный человѣкъ.

Къ этому общему описанію психическаго состоянія микроцефаловъ я долженъ прибавить, что Карль Фохтъ, желая доказать, что микроцефалы по развитію переднихъ отдѣловъ головного мозга и свода черепа подходятъ къ обезьянамъ, доказывалъ, что и по умственнымъ способностямъ они совершенно похожи на обезьянъ. «Нельзя»,—говоритъ онъ,—«отрицать величайшаго сходства съ обезьянами въ ихъ движеніяхъ и способахъ проявленія своихъ чувствъ и желаній; вниманіе ихъ попеременно привле-

кается и отвлекается: противоположнѣйшія чувства смѣняются непрерывно и безъ промежутковъ. Любовь и ненависть, безъ причины мгновенно забываемыя и опять возникающія, радость и уныніе, гнѣвъ и удовольствіе, непосредственная месть и совершенная покорность чередуются безпрестанно и сопровождаются страннѣйшими и комическими движеніями. Умственныя способности даже ниже, чѣмъ у обезьяны. Непосредственныя воспріятія очень затмнены. Что же касается отвлеченныхъ идей и всѣхъ тѣхъ прекрасныхъ умственныхъ способностей, которыми несомнѣнно обладаетъ человѣкъ, то ихъ нѣтъ вовсе, равно какъ и способностей абстрактнаго мышленія, свойственныхъ человѣку» («Малоголовые», стр. 239—240).

Нужно сказать, что въ этомъ утвержденіи К. Фохта проглядываетъ слишкомъ большое увлеченіе предвзятою мыслью. Есть малоголовые, обладающіе сравнительно порядочною рѣчью. Правда, можно спорить, принадлежатъ ли они къ группѣ наиболѣе чистыхъ формъ микроцефаліи, такъ какъ у типичныхъ микроцефаловъ, дѣйствительно, рѣчь крайне неразвита, что находится въ связи съ тѣмъ, что центръ рѣчи, 3-я лобная извилина и Рейлевъ островокъ у нѣкоторыхъ изъ нихъ рудиментарны.

Какъ бы то ни было, почти всѣ наблюдатели отмѣчаютъ, что хотя у нѣкоторыхъ изъ малоголовыхъ и замѣчается способность къ рѣчи и довольно живой комбинаціи представленій, но положительно *отсутствуютъ идеи*.

Что касается до другихъ проявленій дѣятельности нервной системы у микроцефаловъ, то съ этой стороны часто не наблюдается никакихъ значительныхъ измѣненій; органы чувствъ ихъ функціонируютъ обыкновенно правильно. Вагнеръ сомнѣвается, есть ли у нихъ обоняніе, но К. Фохтъ совершенно справедливо находитъ неосновательнымъ это сомнѣніе. Чувствительность кожи иногда нѣсколько ослаблена; нѣкоторые микроцефалы обладаютъ предчувствіемъ грозы,—волнуются и беспокоятся передъ ея приближеніемъ.

Двигательный аппаратъ большею частью тоже работаетъ удовлетворительно. Мускульная сила велика, подвижность часто значительная, такъ что, по словамъ К. Фохта, наблюдатели сравниваютъ ее съ птичьей. Прыжки, скачки, переминая, необыкновенныя движенія у нихъ—постоянны; различныя и необыкновенно комическія гримасы, съ быстротою молніи появляющіяся

на лицѣ, бываютъ очень часто. Походка ихъ отличается нѣкоторыми особенностями: голова наклонена впередъ, спина согнута, руки—отвисли впередъ, колѣна подогнуты; походку эту К. Фохтъ называетъ «обезьяньей». Часто, говоритъ онъ, они, напримѣръ, при подъемѣ на лѣстницу, идутъ на четверенькахъ и помогаютъ себѣ руками.

Растительные процессы: пищевареніе, дыханіе, кровообращеніе—большою частью совершенно правильны. Физическое развитіе всего тѣла, за исключеніемъ головы, часто совершенно нормально. Ростъ большою частью, впрочемъ, нѣсколько ниже нормы; попадаютъ между малоголовыми и такіе, у которыхъ ростъ тѣла идетъ слабо, и которые навсегда сохраняютъ слабо развитыя, дѣтскія формы. Эпоха возмужалости чаще всего запаздываетъ въ своемъ появленіи; но у женщинъ-микроцефалокъ, перешедшихъ за 16 лѣтъ, процессъ менструаціи и развитіе грудныхъ железъ обыкновенно совершаются правильно. Половые влеченія у большинства совершенно не замѣтны, у нѣкоторыхъ же замѣтны довольно рано.

Большая часть микроцефаловъ живутъ не долго и умираютъ рано, чаще всего отъ какихъ-нибудь мозговыхъ болѣзней: мозгъ, какъ самый слабый органъ, легче всего подвергается у нихъ вреднымъ вліяніямъ. Нѣкоторые микроцефалы живутъ лишь нѣсколько дней, но описаны и такіе, которые жили довольно долго. Микроцефаль Мотей, описанный И. П. Мержеевскимъ, умеръ, будучи лѣтъ около 50, и это былъ почти самый старый изъ описанныхъ микроцефаловъ. Старше его былъ только микроцефаль, описанный Бурневиллемъ (*Arch. de Neurolog.* 1882, стр. 53), который умеръ отъ самоубійства 59 лѣтъ; но этотъ случай далеко не типичный.

Въ заключеніе общаго описанія микроцефаловъ, я прибавлю, что въ послѣдніе годы предлагается нѣкоторыми хирургами, особенно Ланелонгомъ, дѣлать дѣтямъ, имѣющимъ микроцефалической черепъ, операцію — раздвиганія костей черепа при помощи инструментовъ. Мысль объ этой операциіи возникла изъ предположенія, что малое развитіе мозга можетъ обуславливаться у нихъ раннимъ зарашеніемъ черепныхъ швовъ и что искусственное уменьшеніе сдавленія мозга костями черепа можетъ дать возможность развиться и мозгу. Однако, несомнѣнно полезныхъ результатовъ примѣненіе такой операциіи еще не дало, да и тео-

ретическая вѣроятность пользы не велика: дѣло въ томъ, что далеко не у всѣхъ микроцефаловъ черепные швы зарощены, и малая величина черепа есть не первичное явленіе, а вторичное, слѣдующее за недоразвитіемъ мозга.

Сдѣлавъ это введеніе, я перехожу къ описанію случая малоголовія, наблюдаемаго въ нашей клиникѣ.

Марья Петрова. 45 лѣтъ, дочь отставного рядового изъ села Губина, Можайскаго уѣзда, Московской губерніи.

О ея происхожденіи извѣстно очень мало. Извѣстно, что ихъ было двѣ сестры, обѣ микроцефалки. Обѣ онѣ были помѣщены въ 1880 году въ Преображенскую больницу въ Москвѣ, а въ 1881 году демонстрированы въ Обществѣ любителей естествознанія, антропологии и этнографіи д-ромъ В. Н. Бензенгеромъ. Тогда были о нихъ собраны нѣкоторыя свѣдѣнія, впрочемъ, очень краткія, такъ что я передаю ихъ почти буквально.

Оказалось, что онѣ были помѣщены въ Преображенскую больницу по просьбѣ городского, стоявшаго на посту у Генераль-Губернаторскаго дома, обращенной къ бывшему попечителю Преображенской больницы, Ив. Ив. Красовскому. Городовой этотъ, однако, оказался не родственникомъ ихъ, а лишь знакомымъ тетки микроцефалокъ. Эта тетка пріютила ихъ у себя послѣ того, какъ онѣ по смерти матери сожгли свою избу въ Можайскомъ уѣздѣ и, какъ безпріютныя, остались на попеченіи общества; помѣстивши микроцефалокъ въ больницу, она о нихъ болѣе не справлялась. Помѣщены были онѣ въ больницу въ декабрѣ 1880 года, причемъ были привезены въ очень истощенномъ видѣ, говорили мало; первое время марались подъ себя. Маша (та, о которой идетъ рѣчь въ этомъ очеркѣ) большею частью повторяла послѣднія слова фразы, которую говорила сестра, была добродушна; обѣ сестры представляли склонность къ подражанію. Физическое здоровье было нормально, менструаціи правильны.

Одна изъ сестеръ скончалась въ Преображенской больницѣ, и, сколько мнѣ извѣстно, мозгъ ея былъ переданъ проф. Д. Н. Анучину и находится въ Антропологическомъ музеѣ, а черепъ въ неврологическомъ музеѣ проф. А. Я. Кожевникова при Нервной клиникѣ. Оставшаяся въ живыхъ, Маша, въ 1887 году переведена была въ Психіатрическую клинику, гдѣ и находится въ настоящее время; въ теченіе этого періода она на лѣтнее время раза три переводилась въ другую больницу.

Первое впечатлѣніе, которое производитъ Маша, когда посетитель входитъ въ отдѣленіе, въ которомъ она находится, вовсе не даетъ понятія о дѣйствительной степени ея умственной недостаточности; обыкновенно, когда входятъ въ отдѣленіе, Маша быстро реагируетъ на это—или бросается къ входящимъ и протягиваетъ руку, или становится у стѣны, и, сложивши руки на груди, кланяется, какъ сидѣлка, или торопливо бѣжитъ, крича: «пришелъ, пришелъ», и, схвативъ стулъ, какъ будто старается привести въ порядокъ комнату.

Не слыша разговора Маши, а только видя ее издали—сидящую или стоящую около другой больной, можно по ея оживленной жестикуляціи и мимикѣ подумать, что она о чемъ-то серьезно бесѣдуетъ и кого-то убѣждаетъ,—и, только подойдя ближе, вы замѣтите, что она или ничего не говоритъ, а производитъ только мимическія движенія, или рѣчь ея состоитъ изъ мало разборчивыхъ звуковъ и совершенно бессмысленна. Въ ея поведеніи вы также скоро отмѣтите отсутствіе всякаго смысла: все, что она дѣлаетъ, имѣетъ только внѣшній видъ поступковъ, соответствующихъ поступкамъ здравомыслящихъ людей, а въ сущности ея дѣйствія совершенно бессмысленны: такъ, напр., здороваться она часто начинаетъ не во время; начнетъ кланяться, какъ няньки, и кланяется безъ конца; приводя какъ-будто въ порядокъ комнату и носясь со стуломъ, только производитъ беспорядокъ; словомъ, очень быстро можно придти къ заключенію, что ума у Маши нѣтъ, но что, тѣмъ не менѣе, у нея существуетъ своеобразная психическая дѣятельность, которая становится болѣе понятною только послѣ довольно близкаго знакомства съ ея проявленіями.

Почти всегда, т.-е. цѣлый день, Маша находится въ суетливомъ возбужденіи; одѣвшись сама или съ помощью другихъ и умывшись, она цѣлый день переходитъ изъ угла въ уголъ, не надолго присаживаясь то на диванъ, то на стулъ и потомъ начиная опять свое суетливое передвиженіе. Ходитъ она—прискакивая, немного наклонясь впередъ и переваливаясь; при этомъ схватываетъ попадающіеся предметы или просто размахиваетъ руками. Очень часто, и ходя и сидя, Маша что-то говоритъ не очень громко, большею частью, съ серьезнымъ видомъ; иногда что-то напѣваетъ; часто мимика и движенія ея изображаютъ какой-то переполохъ. Когда Маша сидитъ или стоитъ около другой

больной, то она обыкновенно что то бормочетъ съ серьезною миной, киваетъ головой и какъ будто убѣждаетъ кого-то. Очень часто при этомъ наблюдается мимика какой-то таинственности и многозначительности, причемъ Маша тихонько произноситъ слова, покачивая головой и грозя указательнымъ пальцемъ. Иной разъ Маша съ видомъ изумленія разводитъ руками, пожимаетъ плечами, а потомъ заливается добродушнымъ смѣхомъ: при этомъ она говоритъ отрывочно фразы мало понятныя, вродѣ: «ишь ты, подишь ты»...; часто можно подуматъ, что она дѣйствительно смѣется чему-нибудь реальному, но въ сущности при этомъ у нея совсѣмъ нѣтъ никакого сознательнаго повода для смѣха, точно такъ же, какъ не бываетъ повода и для мимики серьезнаго обсуждения или удивленія.

Присматриваясь къ ея дѣятельности и прислушиваясь къ ея неотчетливымъ словамъ, вы поражаетесь, насколько всѣ ея поступки суть результатъ простого механическаго воспроизведенія видѣннаго и слышаннаго, т. е. результатъ подражанія, при полномъ отсутствіи осмысленности. Всѣ ея поступки въ отдѣльныхъ своихъ частяхъ суть подражанія поступкамъ людей, которые живутъ около нея. При этомъ часто Маша подражательно воспроизводитъ въ своихъ дѣйствіяхъ вовсе не то, что сейчасъ происходитъ, а какое-нибудь событіе, давно минувшее и давно уже оставившее слѣдъ въ ея психикѣ. Такъ, иногда въ минуту волненія она начинаетъ бѣгать и, вдругъ остановившись, съ изумленіемъ и какъ будто съ сердцемъ скажетъ: «что-жь ты скотину не гонишь...»; очевидно, это — воспоминаніе изъ давнихъ лѣтъ, остатокъ впечатлѣній, полученныхъ въ деревенской обстановкѣ. Вслѣдъ за этимъ она начинаетъ иногда говорить какую-нибудь брань, оставшуюся отъ того же времени и не имѣющую никакого отношенія къ теперешней обстановкѣ. Иной разъ, гуляя въ саду и подойдя къ окну больницы, Маша какой-нибудь палочкой постучитъ въ окно и поклонится совершенно такъ, какъ это дѣлаютъ нищенки въ деревняхъ и какъ, вѣроятно, она сама дѣлала лѣтъ 15 назадъ. Одно лѣто Маша провела въ обстановкѣ, гдѣ, повидимому, не было идеальной чистоты, и ей приходилось видѣть, какъ ея сожительницы вели борьбу съ паразитами головы. И вотъ, въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ послѣ того Маша часто совершенно не кстати воспроизводила полученныя ею впечатлѣнія исканія въ головѣ. Она съ сосредоточеннымъ видомъ будто что-то клала

на ногу и раздавливала, сопровождая это соответствующимъ бормотаньемъ. Нечего говорить, что голова ея была совершенно чиста,—это былъ простой актъ подражанія возникшему въ ея памяти образу.

Хотя несомнѣнно, что впечатлѣнія, полученныя въ давно прошедшемъ времени, часто подражательно воспроизводятся Машей, но подражательность ея очень велика и относительно обстоятельствъ, непосредственно совершающихся передъ нею. Стоитъ около нея засмѣяться—и она засмѣется; она повторяетъ слова, которыя при ней говорятъ, подражаетъ видимымъ жестамъ. На лекціи она почти всегда повторяетъ послѣднія слова профессора, подражая каррикатурно его жестикуляціи и интонаціи, чѣмъ, конечно, вызываетъ взрывъ смѣха у слушателей.—Въ отвѣтъ на этотъ смѣхъ Маша сама залетается довольнымъ смѣхомъ, точно она именно и хотѣла достигнуть этого эффекта... Нѣкоторыя внѣшнія впечатлѣнія вызываютъ у нея довольно однообразные акты подражанія,—стереотипныя повторенія. Къ такого рода актамъ относится то, что она при обходѣ врачей становится, какъ сидѣлки, у стѣны или около другихъ больныхъ и, сложивъ руки на груди, чинно кланяется. Нѣкоторые изъ подражательныхъ актовъ ея очень сложны. Сюда относится слѣдующее явленіе: нерѣдко, обходя отдѣленіе, я заставлялъ Машу сидящей за столомъ и съ виду усердно занимающейся шитьемъ,—она держитъ свой платокъ лѣвою рукой, а правой быстро производитъ стежки; можно подумать, что у нея въ рукахъ иголка и нитка — такъ живо подражаетъ она акту шитья; а между тѣмъ у нея нѣтъ ни того, ни другого. Тѣмъ не менѣе, она, слѣлавъ стежки и какъ бы откусивъ нитку, заткнетъ мнимую иголку себѣ въ платье, стряхнетъ платокъ и начнетъ его укладывать. Уложивъ платокъ, она завязываетъ его нѣсколькими узлами, потомъ какъ будто вынетъ изъ рту булавку, какъ бы вколетъ ее въ платокъ, и положитъ въ карманъ. Все это дѣлается очень живо и ловко, причемъ движенія, которыя видѣла Маша у шьющихъ женщинъ, передаются хотя и очень точно, но съ необычной поспѣшностью и какъ будто утрировкой. Иной разъ при этомъ Маша бормочетъ и какія-нибудь слова, соответствующія ворчливому настроенію: «ну, матушка, поработай сама,—все я работай, ишь ты...», и т. п.

Какъ видно изъ этого описанія, Маша производитъ часто рядъ очень сложныхъ движеній, сопровождаетъ ихъ соответствующи-

шими фразами. но во всѣхъ этихъ движеніяхъ, при внѣшнемъ сходствѣ съ поступками нормальныхъ людей, не достаетъ главнаго — *смысла*. Весь сложный процессъ ея безсмысленъ по существу: она производитъ движенія шитья безъ главнаго — безъ иголки и нитки, и смысла процесса шитья совсѣмъ не понимаетъ. Переставивъ въ комнатѣ стулья, какъ бы для порядка, она тоже въ сущности никакого понятія о порядкѣ не имѣетъ и производитъ беспорядокъ. Особенно рѣзко отсутствіе осмысленности и целесообразности въ поступкахъ Маши замѣтно, на примѣръ, при такомъ опытѣ: покажите ей ключъ, она узнаетъ, что это такое, и назоветъ: «ключъ». — Взявши этотъ ключъ, она побѣжитъ къ двери, приставитъ его къ ручкѣ, постучитъ объ нее нѣкоторое время и съ довольнымъ видомъ принесетъ назадъ — какъ будто она сдѣлала все, что нужно; въ сущности же, очевидно, она воспроизвела рядъ видѣнныхъ ею движеній, которыя связаны были съ образомъ ключа, рѣшительно не имѣя пониманія смысла всѣхъ этихъ актовъ, ихъ цѣли и назначенія.

Вотъ этотъ-то недостатокъ цѣли и осмысленности, при существованіи сложныхъ дѣйствій, состоящихъ изъ раздражательныхъ актовъ, и составляетъ наиболѣе характерное явленіе въ психической жизни малоголовыхъ. До чего поразительна недостаточность соображенія и смысла, видно хотя бы изъ того: Маша очень любитъ играть красными пасхальными яйцами, она ихъ то держитъ въ карманѣ, то вынимаетъ, гладитъ, показываетъ другимъ; когда случится, что яйцо разобьется, она плачетъ, но при этомъ она его никогда не съѣстъ, хотя за обѣдомъ ей часто случается ѣсть яйца, подаваемые не въ скорлупѣ. Осмыслить и сообразить, что красное яйцо — тоже съѣдобно, Маша не можетъ. Но если при этомъ кто-нибудь, указывая Машѣ на яйцо, скажетъ: «съѣшь», то Маша, воспроизводя въ силу ассоціаціи по смежности то дѣйствіе, которое слѣдуетъ за словомъ «съѣшь», беретъ яйцо и начинаетъ его ѣсть.

Иной разъ поступки Маши какъ бы указываютъ на существованіе осмысленности: такъ, бываетъ, что она сдѣлаетъ какое-нибудь правильное и умѣстное замѣчаніе, напр. на вопросъ: гуляла ли? — отвѣтитъ: «гуляла батюшка, покорно блгодарю, спасибо тебѣ»; но при повтореніи опыта, легко замѣтить, что и это, конечно, есть не болѣе какъ простое воспроизведеніе когда-

нибудь ею слышаннаго совмѣстно съ словомъ «гуляла». Это совпаденіе словъ Маши съ дѣйствующими на нее впечатлѣніями бываетъ довольно часто и невольно вызываетъ смѣхъ. Такъ, много разъ на вопросъ: «куда всѣ ушли» — Маша отвѣчаетъ: «въ кабакъ ушла, проклятая», — совершенно не понимая, что эта реплика, оставшаяся у нея, какъ слѣдъ давнихъ впечатлѣній, теперь совершенно неумѣстна. Такихъ репликъ, нѣсколько соответствующихъ дѣйствующимъ на нее впечатлѣніямъ, но совершенно не подходящихъ къ данной обстановкѣ, а повторяемыхъ по памяти, у Маши очень много. Онѣ съ виду кажутся какъ бы правильными сужденіями, но, на самомъ дѣлѣ, оказываются не сужденіями, а только сложными воспроизведеніями, результатомъ подражанія давно воспринятому, являющимся, какъ по рефлексу, вслѣдъ за полученнымъ ею впечатлѣніемъ. Собственно своихъ сужденій Маша высказываетъ до крайности мало. Сужденія ея ограничиваются въ большинствѣ случаевъ узнаваніемъ нѣкоторыхъ знакомыхъ ей предметовъ, но и ихъ очень мало, потому что Маша знаетъ лишь очень немного предметовъ. — Иногда сужденія ея касаются качества впечатлѣнія, и она говоритъ: «хорошо», хотя часто нельзя отличить, дѣйствительно ли это — сужденіе, или только повтореніе слова, слышаннаго ею при соответствующей обстановкѣ. Одинъ разъ, однако, мнѣ пришлось слышать отъ нея фразу, которая по всѣмъ признакамъ соответствовала дѣйствительной мысли. Дѣло было такъ: мы привели Машу въ лабораторію для болѣе подробнаго изслѣдованія. Пробывши тамъ съ часъ, Маша стала нѣсколько беспокоиться — видимо, ей хотѣлось уйти; она ходила по комнатѣ, отыскивая, какъ бы выйти, подходила къ двери, но не сумѣла отворить ее. Такъ продолжалось съ $\frac{1}{4}$ часа; тревожное чувство ея видимо усиливалось и, наконецъ, Маша, поклонившись, выговорила: «пусти, батюшка». Конечно, можетъ быть, и это слово было лишь удачнымъ подражаніемъ слышанному ею отъ другихъ при подобной же обстановкѣ, но я не могу отрицать и того, что слова эти произвели на меня впечатлѣніе болѣе осмысленныхъ, чѣмъ ея обычныя фразы, и казались слѣдствіемъ умозаключенія. Не слѣдуетъ забывать, что у идіотовъ подъ влияніемъ эмоцій (а также и лихорадочнаго состоянія) нерѣдко повышается способность къ умственнымъ комбинаціямъ, и они проявляютъ при этомъ способности высшія, чѣмъ при

ихъ обычномъ состояніи: можетъ быть, и Маша могла составить самостоятельную мысль, только будучи въ состояніи аффекта, которое повысило ея способность къ умственнымъ операціямъ.

Впрочемъ нельзя отрицать, что иной разъ намеки на цѣлесообразность дѣйствій существуютъ у Маши и при спокойномъ ея состояніи. Это приходится наблюдать, напримѣръ, при уборкѣ стола передъ обѣдомъ и ужиномъ. Маша иногда помогаетъ въ этомъ сидѣлкамъ; при этомъ она обнаруживаетъ въ большинствѣ случаевъ одно лишь подражаніе безъ осмысленности: иной разъ она накроетъ скатерть такъ, что длинный размѣръ ея придется поперекъ, и оставитъ какой-нибудь край непокрытымъ; тогда Маша бѣжитъ къ этому концу, потянетъ скатерть и раскроетъ другой конецъ; Маша опять перебѣгаетъ и ташитъ скатерть и т. д. Маша можетъ продѣлывать это много разъ къ ряду, но иногда въ концѣ концовъ словно догадается, смететъ скатерть и накроетъ ею столъ какъ слѣдуетъ. Нѣсколько разъ мнѣ случалось производить такой опытъ: я показывалъ Машѣ два ключа и потомъ спрятавъ ихъ на глазахъ ея подъ скатерть, говорилъ: «гдѣ ключи?» Маша принималась ихъ искать, поднимая скатерть и притомъ съ разныхъ концовъ. Найдя одинъ ключъ и подавши со словами: «вотъ ключъ», она—правда, далеко не всегда—продолжала поиски другого ключа. Правда, если эти поиски не скоро удавались, она забывала о цѣли, но нѣкоторое, короткое время она все-таки, очевидно, имѣла цѣль, и движенія ея были сообразны съ цѣлью. — Но если цѣль, въ такихъ случаяхъ и бываетъ мотивомъ поступковъ у Маши, то все-же нужно отмѣтить, что цѣль эта всегда крайне близкая,—притомъ, нельзя отрицать возможности объяснить и нѣкоторые изъ такихъ, какъ бы цѣлесообразныхъ, актовъ простымъ подражаніемъ и заученными движеніями.

Сдѣлавши это общее описаніе главныхъ особенностей психическаго склада Маши, бросающихся въ глаза при наблюденіи за нею, мы должны произвести болѣе систематическое описаніе различныхъ проявленій ея душевной и тѣлесной жизни, чтобы составить достаточно полное представленіе объ уровнѣ развитія ея душевной жизни.

Маша, какъ я уже замѣтилъ, принадлежитъ къ классу индивидуумовъ чловѣческаго рода, извѣстныхъ подъ названіемъ идіотъ, у которыхъ замѣчается большая или меньшая степень оста-

новки развитія душевной жизни, вслѣдствіе остановки развитія мозга. Соотвѣтственно степени задержки развитія мозга, и проявленія душевной жизни будутъ разнообразны, причемъ мы можемъ наблюдать очень постепенные переходы отъ самой глубокой степени идіотизма, при которой индивидуумъ почти совершенно лишенъ проявленій душевной жизни, до сравнительно легкихъ проявленій полутупоумія (*semimbecillitas*). На самой глубокой степени полного идіотизма, индивидуумъ лишенъ всякой способности воспріятія; всѣ его проявленія суть простые рефлексы самаго низшаго порядка. Индивидуумъ такого рода часто не умѣстъ брать груди матери, не видитъ и не слышитъ, а лишь автоматически ворочается. Наоборотъ, въ слабой степени умственной недоразвитія, при тупоуміи, мы находимъ проявленія болѣе близкія къ нормѣ; такіе индивидуумы обладаютъ способностью пониманія и способностью рѣчи; они иногда даже односторонне талантливы; такъ, напримѣръ, нѣкоторые обладаютъ музыкальными, рисовальными способностями, или особенно точною механическою памятью, или необыкновенною способностью къ счисленію; нѣкоторые способны до извѣстной степени къ обученію и къ послѣдовательнымъ занятіямъ, правда, не очень сложнымъ; во всемъ ихъ психическомъ складѣ мы не находимъ только той степени ума и гармоническаго развитія всѣхъ сторонъ душевной жизни, которая должна быть у нормальныхъ, даже не умныхъ людей.

Между самыми тяжелыми формами идіотизма и сравнительно слабыми проявленіями полутупоумія существуютъ безчисленные переходы, соотвѣтствующіе степени задержки развитія душевной жизни; переходы эти такъ многочисленны, что трудно по степени умственной слабости раздѣлить идіотовъ на классы такъ, чтобы классификація была приложима для каждаго случая, хотя попытки такого раздѣленія и существуютъ: въ принципъ раздѣленія принимается, главнымъ образомъ, способность воспріятія и способность вниманія, благодаря различной степени которыхъ, у однихъ идіотовъ совсѣмъ не развивается образъ или представленій, у другихъ есть образы, но почти нѣтъ понятій, а у третьихъ есть и понятія, но только примитивныя. Большею частью, хотя далеко не всегда, параллельно со степенью развитія умственной дѣятельности идетъ и развитіе рѣчи: она отсутствуетъ на низшихъ степеняхъ идіотизма; на среднихъ—крайне недостаточна; даже въ болѣе слабыхъ степеняхъ тупоумія рѣчь

все-таки часто имѣеть особенности: больные такого рода картавятъ, шепелявятъ, заикаются и проч. Но, повторяю, если и существуютъ попытки классификаціи идиотовъ по степени проявленія ихъ психической жизни, то все-таки онѣ далеко не удовлетворительны, и на практикѣ многіе идиоты представляютъ своеобразныя особенности, не позволяющія уложить ихъ въ обычныя рамки. потому что у идиотовъ мы замѣчаемъ нерѣдко, что различныя стороны психической жизни развиты неравномѣрно, — однѣ болѣе, другія менѣе, и идиотъ, очень низко стоящій по уровню развитія одной изъ сторонъ душевной жизни, можетъ стоять довольно высоко по развитію другой. Вслѣдствіе этого въ каждомъ случаѣ нужно производить систематическій обзоръ различныхъ проявленій душевной жизни подлежащаго изслѣдованію идиота, чтобы опредѣлить степень развитія той или другой ея стороны.

Приступая къ изложенію результатовъ систематическаго изслѣдованія Маши, мы прежде всего остановимся на чисто физическихъ особенностяхъ ея. Для большей наглядности, я счелъ нужнымъ приложить 2 фотографіи ея: на одной изъ нихъ, снятой въ 1893 году ординаторомъ клиники нервныхъ болѣзней Н. И. Коротневымъ, Маша, для удобства сравненія, снята рядомъ съ сидѣлкой средняго роста. Другой снимокъ (en face) сдѣланъ въ 1891 г. въ психіатрической клиникѣ.

Съ перваго раза бросается въ глаза необыкновенно малая величина головы ея, сравнительно даже съ ея маленькимъ ростомъ. При этомъ рѣзко замѣтно, что лицо и отдѣльныя части его имѣютъ нормальную величину, и что уменьшеніе общей величины головы происходитъ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе малости свода черепа. Лобъ ея очень маленькій, скошенный назадъ, узкій. Надбровныя дуги выдаются. Для интересующихся результатами измѣренія специальными приборами я приведу слѣдующія цифры *).

*) Болѣе подробнымъ описаніемъ результатовъ антропометрическаго изслѣдованія я не считалъ нужнымъ утруждать читателей журнала „Вопросы Философіи и Психологіи“. Но въ отдѣльныхъ оттискахъ я позволю себѣ привести данныя, сообщенныя покойнымъ д-ромъ В. Н. Бензенгеромъ еще въ 1881 году.

Ростъ — 1420 мм.

Цвѣтъ волосъ на головѣ свѣтлорусый.

Глаза — голубые.

Волосы — гладкіе, мягкіе.

Передне-задній найбільшій діаметръ черепа 142 миллимет.
(вмѣсто средняго, нормального для женщинъ 175 милл.)

Поперечный наибольшій	114 милл.	(вмѣсто норм. 140 милл.)
Дуга затыльно-лобная	240 »	» » 330 »
Горизонтальная окружность	410 »	» » 530 »
Передняя часть ея	200 »	» » 280 »
Разстояніе надносовой точки отъ подбородочной	62 »	
Ростъ	1420 »	

Съ физической стороны Маша не представляетъ признаковъ какой либо болѣзни. Всѣ органы растительной жизни у нея въ порядкѣ. Параличей и судорогъ нѣтъ. Она менструируетъ до сихъ поръ, несмотря на свои 45 лѣтъ. По своему возрасту она

- Форма и объемъ носа: длинный, толстый.
Губы толстыя, нѣсколько завороченныя.
Зубы средней величины; недостаетъ нѣсколькихъ коренныхъ зубовъ въ нижней и верхней челюсти.
Рѣзцы вертикальныя.
Ухо представляетъ неправильныя складки (по всей вѣроятности травматическаго происхожденія).

Измѣренія головы.

А. Черепъ.

1. Діаметры:	
Передне-задній наибольшій	142
Поперечный наибольшій (темянной)	114
Ушной	108
Вертикальный надушной	100
2. Кривыя или дуги:	
Затыльно-лобная вся	240
Передняя часть ея	102
Горизонтальная окружность	410
Передняя часть ея	200
Поперечная ушная	280
Затылочная	92
Брегматическая	103
Надносная	94
Подносная	96

В. Лицо.

1. Лицевой уголъ и треугольникъ	65
Основаніе лицевого треугольника	90
Длина лицевой линіи	70
Лицевой уголъ Кампера	65
» » зубной	59

уже подходит къ предѣльному возрасту описанныхъ микроцефаловъ, такъ какъ самый старшій изъ извѣстныхъ въ литературѣ типичныхъ микроцефаловъ жилъ лѣтъ до 50.

Въ виду важности для развитія психическихъ отправления впечатлѣній, получаемыхъ черезъ органы чувствъ, мы должны со вниманіемъ остановиться на опредѣленіи состоянія органовъ чувствъ у Маши.

Съ этой стороны мы находимъ, что органы чувствъ развиты у Маши довольно хорошо и функционируютъ порядочно. Такъ, по отношенію къ органу зрѣнія несомнѣнно, что Маша видитъ обоими глазами, различаетъ цвѣта (что видно изъ того, что цвѣтъ одного платья ей нравится, цвѣтъ другого не нравится), различаетъ очертанія и формы, что доказывается тѣмъ, что она на картинѣ, изображающей человѣка, можетъ нерѣдко указать, гдѣ ротъ и

2. Разстояніе надбровной точки:	
Отъ подбородочной	62
„ основанія носа	45
„ лобной волосяной линіи	89
3. Разстоянія поперечныя:	
Между обоими височными надглазничными возвышеніями	99
„ внутренними углами глазъ	95
„ обоими скулами	96
„ обоими углами нижней челюсти	84
4. Отъ основанія носа до угла нижней челюсти	108
5. Отъ подбородочной точки до угла нижней челюсти	84

Измѣренія туловища и конечностей.

1. Высота надъ поломъ:	
Слухового отверстія	1320
Нижнего края подбородка	1240
Верхняго плечевого отростка	1200
Нижняго конца средняго пальца	540
Пупка	860
Верхняго края лобковаго соединенія	790

Верхняя конечность.

Ширина распростертыхъ рукъ	1430
Окружность груди подъ мышкою	790
У пояса	830

Нижняя конечность.

Наибольшая окружность голени	320
Высота тѣмени надъ поломъ при сидячемъ положеніи	760

гдѣ носъ. Видитъ она довольно далеко; движенія глазъ правильны; она фиксируетъ глаза и движетъ ими, слѣдя за предметомъ. Вообще, повидимому, нѣтъ никакихъ данныхъ подозрѣвать существованіе болѣзненной неправильности въ полученіи зрительныхъ впечатлѣній.

Точно то же можно сказать относительно слуховыхъ впечатлѣній. Она слышитъ издалика обоими ушами, и, вѣроятно, слухъ ея довольно тонкій, что доказывается тѣмъ, что она довольно хорошо подражаетъ интонаціи. Она обладаетъ способностью прислушиваться, т.-е. фиксировать свое вниманіе на слуховыхъ впечатлѣніяхъ.

Осязательныя впечатлѣнія, несомнѣнно, воспринимаются ею со всѣхъ частей тѣла, но судить о тонкости осязательной чувствительности весьма трудно, такъ какъ примѣненіе специальныхъ методовъ изслѣдованія чувствительности относительно Маши невозможно. Она ощущаетъ тепло и холодъ, ощущаетъ и влажность.

Мышечное чувство, повидимому, довольно тонко. Движенія, которыми она подражаетъ шитью, такъ мелки и такъ вѣрны, что могутъ быть только при значительной тонкости мышечнаго чувства.

Обонятельныя ощущенія у нея есть: она не одинаково реагируетъ на одеколонъ и на іодоформъ, хотя реакція на обонятельныя впечатлѣнія вообще не велика.

Вкусовыя ощущенія тоже существуютъ; она иначе реагируетъ на соль, на сахаръ, на кислоту и горечь (хининъ), но и здѣсь нужно отмѣтить, что, вѣроятно, интенсивность вкусовыхъ ощущеній не велика, потому что, наприм., Маша можетъ класть себѣ въ ротъ хининъ щепотками, и хотя не выказываетъ при этомъ большого удовольствія, но и неудовольствіе выражается не очень рѣзко.

Боль она испытываетъ, но, почти навѣрное можно сказать, не такъ интенсивно, какъ нормальный человѣкъ; по крайней мѣрѣ, реакція на уколъ далеко не живая.

Такимъ образомъ, органы чувствъ у Маши функционируютъ: ворота, черезъ которыя входитъ въ психику человѣка матеріаль для душевнаго содержанія, у нея открыты, и съ этой стороны дана возможность для развитія различныхъ проявленій психической дѣятельности.

Переходя къ разсмотрѣнію проявленій собственно психической

жизни Маши, мы начнемъ съ тѣхъ изъ нихъ, которыя имѣють ближайшее отношеніе къ животнымъ отправленіямъ организма, и постепенно будемъ переходить къ болѣе высокимъ. Прежде всего къ этимъ проявленіямъ относится пріемъ пищи, питаніе. Нѣкоторые идіоты, самыя глубокіе, не умѣють даже ѣсть, не умѣють питаться. Въ этомъ отношеніи Маша далеко ушла отъ глубокихъ степеней идіотизма. Она сама умѣетъ ѣсть и притомъ умѣетъ употреблять такіе инструменты для ѣды, какъ ложка. Она вообще обладаетъ хорошимъ аппетитомъ, ѣсть всегда хорошо, какъ всякій здоровый человѣкъ. Прожорливости при ѣдѣ не замѣтно. Большею частью она ѣсть ложкой, рѣзать не умѣетъ, куски хлѣба отламываетъ сама отъ ломтика. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что ѣда ея довольно беспорядочна: наприм., она ѣсть то ложкой, то руками, то беретъ, смаху, большіе куски; начнетъ ѣсть одно блюдо, наприм., супъ, но если принесутъ въ это время другое, она съѣстъ и изъ него, а потомъ опять возьмется за супъ. Во время ѣды она часто обращается къ сосѣдкамъ (большимъ повторяя: «поѣшь», «поѣшь», и давая свой кусокъ хлѣба. Этимъ Маша воспроизводитъ то, что ей случается видѣть въ клиникѣ, именно, что стоящія около больныхъ сидѣлки подкладываютъ имъ хлѣбъ и уговариваютъ больныхъ, не рѣшающихся приступить къ кушанью. Здѣсь уже кстати можно сказать, что послѣ ѣды Маша часто говоритъ: «спасибо, батюшка», и перекрестится, отставитъ стулъ, а послѣ уборки посуды со стола стряхиваетъ со скатерти соръ и продолжаетъ его стряхивать, когда его нѣтъ уже и слѣдовъ. Здѣсь-же я скажу, что при ѣдѣ можно наблюдать явленія, чрезвычайно характерныя для психики Маши. Она привыкла, что ей нужно ѣсть тогда, когда кушанье поставлено на тотъ конецъ стола, гдѣ она обыкновенно сидитъ, и видомъ поставленнаго кушанья она только и руководится въ томъ, начинать ли ѣсть или нѣтъ. Если взять у нея тарелку, хотя бы тотчасъ послѣ того, какъ она начала ѣсть,—Маша поступитъ такъ, какъ будто обѣдъ уже кончился и она насытилась, т. е. положитъ ложку, отставитъ стулъ къ стѣнѣ, сдѣлаетъ подобіе крестнаго знаменія, оближется и съ довольнымъ видомъ скажетъ: «спасибо». Если сейчасъ же поставить опять тарелку, она снова приставитъ стулъ и примется за ѣду. Если опять взять тарелку, она снова, какъ ни въ чемъ не бывало, продѣлаетъ то же, т. е. отставитъ стулъ, перекрестится

и пр. И такимъ образомъ можно повторить много разъ подъ-рядъ: каждый разъ Маша будетъ продѣлывать то же самое, не выражая ни удивленія, ни протеста.

Машѣ въ клиникѣ не приходится голодать, и я поэтому не знаю, чѣмъ бы проявила она свой голодь. Но несомнѣнно, что она узнаетъ, когда приносятъ ѣду, знаетъ свое мѣсто за столомъ, сама приходитъ, пододвигаетъ стулъ и садится; звать ее не приходится. Что касается до различенія, кому принадлежитъ кушанье, этого у нея нѣтъ; она возьметъ и чужую тарелку и чужой хлѣбъ и не выкажетъ никакой реакціи, если у нея взять кушанье, которое она уже попробовала. Особеннаго предпочтенія къ какому-нибудь кушанью она не выказываетъ и рѣшительно нельзя сказать, что ей нравится. Однако, какъ замѣтили всѣ сидѣлки, Маша почти не ѣстъ макаронъ; можетъ-быть это происходитъ оттого, что она не умѣетъ справляться съ ними, такъ какъ макароны скользятъ съ ложки и не доносятся до рта. Ытъ она вообще неразборчиво: случалось видѣть, какъ она шепотками ѣстъ соль, какъ будто это обыкновенное кушанье; одинъ разъ она такъ же ѣла хининъ, хотя морщилась, но брала его и ѣла.

Чувство жажды Маша иногда выражаетъ: большею частью она пьетъ сама изъ стакана, но когда воды нѣтъ, то заходитъ къ сидѣлкѣ въ буфетъ, и изъ ея бормотанья можно понять, что ей хочется пить.

Позывы на дефекацію и мочеиспусканіе чувствуетъ и отпращиванія совершаетъ правильно, направляясь въ опредѣленное мѣсто и соблюдая чистоту.

Никакихъ проявленій полового чувства не было замѣчено. Мастурбации нѣтъ.

Въ опредѣленное время, когда всѣ ложатся спать, Маша тоже ложится, раздѣваясь, какъ другія больныя. При этомъ можно отмѣтить слѣдующее: раздѣвшись, Маша тщательно старается стряхнуть и сложить одежду и все дѣлаетъ такъ, какъ дѣлаютъ сидѣлки,—иногда сама отнесетъ свернутый узелъ въ комнату, куда на ночь относится платье больныхъ. Спитъ Маша обыкновенно плохо: часто по ночамъ разговариваетъ, иногда встаетъ, начинаетъ двигать кровать, иногда разбрасываетъ по комнатѣ подушки, перестилаетъ постель. Постель у нея всегда оказывается очень сбитой,—одна подушка на одномъ, а другая на другомъ концѣ. Ночью Маша почти всегда покрывается одѣ-

яломъ съ головой. Проснувшись, рѣдко встанетъ сама, а дожидается, пока принесутъ ея одежду. Одѣвается она иногда сама, иногда съ помощью другихъ. Просыпается она обыкновенно рано, однако, не встаетъ до тѣхъ поръ, пока къ ней не придутъ.

Стремленіе къ самосохраненію, если и существуетъ, то въ ничтожной степени: такъ, наприм., она совершенно не безпокоится, если ея руку пододвигать къ зажженной свѣчѣ, или если надъ ея головой производить угрожающія движенія. Никакого сознанія опасности у нея при этомъ не замѣчается.

Стремленіе къ передвиженію у Маши очень большое. Когда она не спитъ, то почти всегда находится въ движеніи, правда, безцѣльномъ, автоматическомъ. Движенія ея, какъ было сказано, довольно неуклюжи. Она ходитъ, переваливаясь, и какъ будто прискакиваетъ; туловище согнуто, голова вытянута впередъ, руки болтаются. Она иногда бѣгаетъ, но не быстро. Въ виду того, что у нѣкоторыхъ микроцефаловъ отмѣчалась привычка лазить по деревьямъ, нужно сказать, что Маша на деревья не лазитъ.

Выразительныя движенія ея довольно сложны. По своей формѣ, они соотвѣтствуютъ выразительнымъ движеніямъ нормальныхъ людей, но отличаются, во-первыхъ, довольно большимъ однообразіемъ, а во-вторыхъ — неуклюжестью и какъ бы утрировкой; такъ, наприм., когда она машетъ при радости руками, то размахи ея несоразмѣрно велики; кланяясь, она чрезмѣрно выдвигаетъ голову и наклоняетъ ее слишкомъ низко; протягивая руку и здороваясь, часто дѣлаетъ это чрезмѣрно энергично. Мимическія движенія ея тоже чрезмѣрно рѣзки, такъ что напоминаютъ по своей интенсивности утрирующихъ актеровъ. Мимика ея очень быстро мѣняется. Нужно прибавить, что мимика ея не всегда соотвѣтствуетъ дѣйствительному ея настроенію; очень нерѣдко по ея виду, по суровому выраженію лица, по сдвинутымъ бровямъ, выдвинутымъ впередъ губамъ, укоризненному покачиванію головы и помахиванію указательнымъ пальцемъ, съ соотвѣтствующей интонаціей непонятнаго бормотанья, можно думать, что Маша находится въ неприятномъ настроеніи духа; но когда подойдешь къ ней, увидишь, что этого нѣтъ; на обращенное къ ней привѣтствіе она разсмѣется и добродушно здоровается. Однако, все-таки тогда, когда она дѣйствительно находится

въ дурномъ расположеніи духа, выраженіе лица ея всегда сердитое.

Мимика другихъ лицъ, которыя къ ней обращаются, не всегда вызываетъ въ ней соотвѣтствующее настроеніе и соотвѣтствующее выраженіе лица, хотя нерѣдко бываетъ, что если, ставъ передъ нею, разсмѣяться, то и Маша разсмѣется и останется съ веселымъ выраженіемъ лица въ теченіе довольно долгаго времени. Вообще, легко замѣтить, что мимическія движенія Маши тѣсно связаны съ ея склонностью подражать движеніямъ окружающихъ ее людей.

Стремленіе къ подражанію, какъ уже было сказано, развито у нея очень сильно; оно составляетъ одну изъ характерныхъ чертъ Маши. Но, какъ показываетъ наблюденіе за Машей, подражаніе это чисто автоматическое, безъ сознанія какой бы то ни было цѣли, безъ пониманія смысла дѣйствія, которому она подражаетъ. Она подражаетъ жестамъ, подражаетъ дѣйствіямъ, подражаетъ интонаціи, подражаетъ послѣдней фразѣ. Она постоянно воспроизводитъ или то, что на нее теперь дѣйствуетъ, или то, что на нее дѣйствовало раньше, иногда въ давно прошедшее время, возстановляя впечатлѣнія, однако далеко не всегда съ полною точностью; дѣйствительныя впечатлѣнія, дѣйствовавшія на нее, отражаются въ ея дѣйствіяхъ, въ жестахъ и тонѣ рѣчи, нерѣдко въ очень искаженномъ видѣ, какъ бы въ плохомъ зеркалѣ.

Обо многихъ характерныхъ чертахъ подражательныхъ дѣйствій Маши я уже говорилъ, давая общее описаніе ея состоянія, и повторять этого я теперь не стану; но я не могу не отмѣтить того интереснаго, по моему мнѣнію, наблюденія, что все-таки Маша въ своихъ дѣйствіяхъ подражаетъ гораздо болѣе и гораздо чаще здоровымъ людямъ, существамъ разумнымъ, чѣмъ больнымъ, не обладающимъ полнымъ разумомъ. Очень вѣроятно, что это обуславливается тѣмъ, что здоровые люди болѣе активно относятся къ ея поведенію и своею интонаціею, повелительными обращеніями внушаютъ ей чувство авторитета.

Какъ сказано, Маша подражаетъ дѣйствіямъ окружающихъ и ихъ рѣчи. Въ рѣчи особенно рѣзко замѣтно ея подражаніе интонаціи и притомъ, иногда, очень вѣрное. Передавая подражательно, наприм., ворчанье ссорящейся женщины, Маша дѣлаетъ это удивительно похоже на то, что приходится встрѣчать

въ обыденной жизни прислуги. Она часто подражательно воспроизводитъ напѣвъ. Нужно сказать, что поетъ Маша довольно часто. Большею частью, однако, это не какая-нибудь опредѣленная пѣсня, а только напѣвъ, имѣющій мотивомъ своимъ мелодію очень общую для многихъ русскихъ народныхъ пѣсенъ; прислушиваясь къ ея пѣнію, нельзя сказать, какая именно это пѣсня, но несомнѣнно, что воспроизводимая ею рулада носить всѣ особенности деревенскихъ пѣсенъ. Иногда, впрочемъ, Маша воспроизводитъ и то пѣніе, которое слышитъ отъ другихъ больныхъ. Такъ, однажды услыхавъ отъ другой больной пѣніе «Христось воскресе», она стала пѣть на такой же напѣвъ. Впрочемъ, она его скоро позабыла и перестала воспроизводить. Нужно отмѣтить, что голосъ Маши не представляетъ чего-либо особеннаго; онъ нѣсколько слабъ, глуховатъ, но и только.

Виртуозность подражательности Маши, бросающаяся въ глаза по отношенію къ интонаціи, далеко не такъ выражена по отношенію къ словесной рѣчи. Какъ было сказано, Маша говоритъ довольно много; и сидя, и ходя Маша что-то шепчетъ или говоритъ вполголоса. Такъ какъ до уха долетаютъ только обрывки словъ, которыя она произноситъ, то можно подумать, что она говоритъ что-нибудь дѣльное, и трудно не поддаться импульсу переспросить ее, что она говоритъ, и не сдѣлать усилія внимательно вслушиваться въ ея рѣчь, дожидаясь, что услышишь что-нибудь понятное. Но оказывается, что сколько ни вслушиваться, нельзя почти ничего разобрать, и что говорить она совершенно бессмысленно: рѣчь ея не служитъ для выраженія мыслей, а есть автоматическое воспроизведеніе звуковъ, похожихъ на слова. Не говоря уже о цѣлой фразѣ, рѣдкое слово ею произносится правильно; въ большинствѣ случаевъ слово, которое она произноситъ, есть уродливо сокращенное русское слово, едва, едва напоминающее свой первообразъ. Такъ, наприм., «Сергѣй Сергѣевичъ» она произноситъ какъ Срг-Сргешъ. Слова ея въ своемъ цѣломъ соотвѣтствуютъ сокращеннымъ словамъ быстрой разговорной рѣчи простонародья, но и то въ исковерканной формѣ, въ такой, что, иногда, совсѣмъ нельзя и узнать, какому слову соотвѣтствуетъ данный звукъ.

Однако есть нѣкоторыя слова, которыя Маша произноситъ довольно отчетливо. Большею частью такое отчетливое произношеніе бываетъ тогда, когда Маша не пассивно болтаетъ, а ког-

да къ ней обращаются съ прямымъ вопросомъ или приказаніемъ, т.-е. когда возбуждаютъ ея активное вниманіе. Въ это время она говоритъ ясно и отчетливо такія слова, какъ: дядя, тетка, нянька, Машуточка, носъ, ротъ, копѣйка, косушка, платокъ, столъ, стулъ и т. п. При этомъ оказывается, что съ нѣкоторыми изъ этихъ словъ сочетается и представленіе объ опредѣленныхъ предметахъ, и они служатъ обозначеніями этихъ предметовъ. Правда, такихъ словъ чрезвычайно мало, но все-таки они есть; она укажетъ, что такое носъ, стулъ и т. п. и въ большинствѣ случаевъ, относительно выше названныхъ словъ, она не путается; по отношенію же къ другимъ словамъ — въ ихъ значеніи путается довольно часто, а большею частью и совсѣмъ ихъ не знаетъ. Слова, болѣе или менѣе знаемая Машей, относятся къ различнымъ частямъ рѣчи; но самая большая часть ихъ — имена существительныя. Что касается до глаголовъ, то хотя она довольно часто употребляетъ въ рѣчи и глаголы, но почти всегда безъ всякаго значенія; впрочемъ, слова: «кушать», «подать», «побѣги», «отдай», — она понимаетъ. Прилагательныя и нарѣчія употребляются ею почти всегда безъ смысла. Мѣстоименія она путаетъ: «я, ты, онъ, она» — для нея не имѣютъ значенія; указательныя мѣстоименія имѣютъ значеніе только тогда, когда сопровождаются жестикующею. Междометія употребляетъ большею частью какъ подражаніе, а не по смыслу.

Отрицаніе «нѣтъ» она употребляетъ, но чаще всего безъ значенія, иногда же со значеніемъ отсутствія чего-либо. Такъ, на вопросъ: «гдѣ ключъ?» — если убрать только что показанный ей ключъ, — она отвѣчаетъ иногда: «нѣтъ ключъ». Для обозначенія отрицанія какого-нибудь слышаннаго ею сужденія она не употребляетъ слова «нѣтъ»; мнѣ, по крайней мѣрѣ, не случилось этого слышать. Такъ, наприм., если ей показать на ротъ и сказать: «это носъ» — она не скажетъ «нѣтъ», хотя и исправитъ дѣлаемое ей утвержденіе, но въ такомъ видѣ: поднесетъ свою руку къ носу того лица, о которомъ идетъ рѣчь и скажетъ: «вотъ носъ». Кромѣ словъ, имѣющихъ для Маши опредѣленное значеніе и связанныхъ правильно съ опредѣленными представленіями, каковы: носъ, ротъ, стулъ и т. д., есть еще нѣкоторыя слова, которыхъ значеніе Машей не сознается правильно, но которыя все-таки соединяются по ассоціаціи съ опредѣленными образами. Такъ, напримѣръ, слово «позови» вызываетъ у

Маши такую реакцію: она побѣжитъ изъ комнаты, какъ будто съ какою-то цѣлью; иногда, выбѣжавъ, что-нибудь крикнетъ, иногда же и не крикнетъ, а просто вернется, точно что-нибудь сдѣлавши. Истиннаго пониманія значенія слова «позови» она, слѣдовательно, не обнаруживаетъ, но все-таки это слово связано въ ея психикѣ съ извѣстнымъ рядомъ дѣйствій. Затѣмъ, очень часто, вслѣдъ за слышимымъ ею словомъ, она говоритъ другія слова, находящаяся какъ будто въ логической связи съ первымъ. Такъ, на примѣръ, нерѣдко послѣ слова «пятакъ» она говоритъ: «косушечку выпить». Конечно, это нисколько не указываетъ на то, чтобы Маша понимала значеніе слова: пятакъ; это — лишь механическое воспроизведеніе сочетаній между нервными элементами, хранящими слѣды прежнихъ возбужденій, часто повторяющихся совмѣстно.

Нѣсколько большее пониманіе словъ замѣчается у Маши, когда она взволнована; если у нея отнимать нравящуюся ей вещь, то она нерѣдко кричитъ «отдай», какъ будто понимая значеніе этого слова. Слова, сопровождающіяся выразительной жестикуляціей, Машей понимаются вообще легче, чѣмъ безъ жестикуляціи.

Отъ описанія рѣчи Маши всего естественнѣе перейти къ проявленіямъ ея умственной дѣятельности, и тутъ прежде всего нужно остановиться на способности къ вниманію.

Раздѣляя вниманіе на пассивное и активное, нужно признать что пассивное вниманіе Маши привлекается далеко не всѣми дѣйствующими на нее стимулами. Такъ, на примѣръ, сильный стукъ, иногда даже надъ самымъ ея ухомъ, часто не привлекаетъ ея вниманія, а входъ въ отдѣленіе врачей для визитаціи привлекаетъ его.

Разбирая, какія впечатлѣнія привлекаютъ ея вниманіе болѣе и какія менѣе, можно отмѣтить, что, кромѣ непосредственныхъ, сильныхъ воздѣйствій на органы чувствъ, вниманіе ея привлекается гораздо больше явленіями ей знакомыми, чѣмъ незнакомыми: явленіе незнакомое, хотя и довольно интенсивно дѣйствующее на органы чувствъ, сравнительно меньше привлекаетъ ея вниманіе, чѣмъ явленіе знакомое, хотя и не столь интенсивное. Кромѣ того, ея вниманіе привлекается сильно и такими явленіями, которыя вызываютъ рѣзкую и очевидную реакцію въ окружающихъ: такъ, на примѣръ, стукъ въ дверь или звонокъ у двери, вызывающій обыкновенно суетливую бѣготню сидѣлокъ, стремя-

щихся отворить дверь, или приходъ врачей—привлекають и ея вниманіе.

Что касается до активнаго вниманія, то оно у Маши крайне слабо. Нельзя, однако, сказать, чтобы его не было совсѣмъ. Такъ, если заставить ее отвѣчать на нѣкоторые вопросы, то она слушаетъ, а иногда отвѣчаетъ, что можетъ (чаще всего названія тѣхъ или другихъ предметовъ). При этомъ, выраженіе ея лица, фиксація глазъ, положеніе головы—указываютъ на то, что она дѣлаетъ напряженіе, чтобы слушать, и что она дѣйствительно старається сконцентрировать свою воспріимчивость. Точно также, когда она производитъ рядъ актовъ въ опредѣленной послѣдовательности, напримѣръ, подражаетъ шитью, то это соединено съ извѣстной степенью активной концентраціи вниманія. Но, во всякомъ случаѣ, эта активная концентрація очень слаба, можетъ длиться лишь очень короткое время и притомъ является только подъ вліяніемъ какого-нибудь внѣшняго побужденія, внушенія въ томъ или другомъ видѣ, а не самостоятельно. Когда Маша предоставлена самой себѣ, то, видимо, вниманіе ея совершенно пассивно, да и функція пассивнаго вниманія очень слабо выражена. Большею частію, она совершенно автоматически ходитъ по саду или по корридору, и по смѣняющейся мимикѣ и бормотанью трудно заключить, притягивается ли хоть сколько нибудь ея бодрствующее сознаніе тѣми автоматически возникающими, безсвязными образами изъ давно прошедшаго, которые выражаются въ трудно разбираемыхъ словахъ ея и жестахъ, или они лишь рефлекторно отражаются въ ея движеніяхъ, совершенно не вызывая хотя бы очень неяснаго сознанія.

Переходя къ описанію состоянія интеллектуальной дѣятельности Маши и принимая въ основу раздѣленіе ея на четыре акта—полученіе образовъ, сохраненіе ихъ, ассоціацію и продуктивность,—мы можемъ прійти къ заключенію, что у Маши первый актъ, полученіе образовъ, несомнѣнно происходитъ. Органы чувствъ ея, какъ было сказано, функционируютъ правильно, и она воспринимаетъ черезъ нихъ много разнообразныхъ впечатлѣній, изъ которыхъ, какъ это видно изъ наблюденія за Машей, развиваются и конкретныя представленія, какъ простыя, такъ и нѣкоторыя сложныя, каковы представленія о столѣ, стулѣ, носѣ и пр. Повидимому, больше всего представленій получено Машею черезъ органъ зрѣнія, нѣсколько меньше черезъ органъ слуха и очень

мало черезъ осязаніе, обоняніе и вкусъ. Представленій, полученныхъ черезъ органъ рѣчи, черезъ словесный языкъ, она, повидимому, имѣетъ весьма небольшое количество.

Однако, образованіе и полученіе представленій, особенно сложныхъ, чрезвычайно затрудняется, повидимому, особеннымъ состояніемъ памяти.

Память Маши очень своеобразна. Несомнѣнно, что нѣкоторыя изъ получаемыхъ ею впечатлѣній сохраняются надолго и затѣмъ воспроизводятся, какъ было сказано, въ ея словахъ и дѣйствіяхъ; очень часто воспроизводятся ею съ удивительной точностью нѣкоторыя впечатлѣнія, полученные въ давно прошедшее время; слова: «что-жъ ты скотину не гонишь» съ послѣдовательной суетливой бѣготней,—фраза: «ну вотъ, и пошелъ въ лѣсъ»—все это слѣды очень давнихъ впечатлѣній, хранившіеся въ глубинѣ психической организаціи Маши и затѣмъ воспроизведенные совершенно автоматически, какъ бы рефлекторно. Какъ было сказано, Машею запоминаются не только отдѣльныя впечатлѣнія, но и послѣдовательный рядъ ихъ, но память послѣдовательности уже значительно слабѣе. Выучившись извѣстному ряду послѣдовательныхъ дѣйствій, въ родѣ шитья, Маша безъ упражненія скоро и разучивается.—Еще слабѣе память сочетанія словъ съ предметами. Какъ было сказано, названій знаетъ Маша чрезвычайно мало, а именъ людей, за исключеніемъ развѣ двухъ, трехъ сидѣлокъ, совсѣмъ не знаетъ; даже на свое имя «Машута» или «Машуточка» она далеко не всегда обертывается.

Такимъ образомъ, хотя чисто органическая память и существуетъ у Маши, въ смыслѣ храненія простыхъ впечатлѣній, но уже запоминаніе послѣдовательности явленій—слабо, а воспроизведеніе, соединенное съ узнаваніемъ, — ничтожно. Повидимому, сложные представленія, въ которыхъ связующимъ цементомъ должно быть какое-нибудь *соотношеніе* отдѣльныхъ входящихъ въ него элементарныхъ представленій, ею совсѣмъ не помнятся, т.-е. не сохраняются и не воспроизводятся. Поэтому, та сторона памяти, которая нужна для узнаванія, у Маши ничтожна, вслѣдствіе чего Маша и знаетъ такъ мало словъ съ опредѣленнымъ значеніемъ и новыя впечатлѣнія, такъ сказать, скользятъ по ядру ея психики, не захватываясь имъ, или, употребляя термины Вундта, лишь перцепируясь, а не апперципируясь.

Это, конечно, находится въ соотношеніи и съ третьей стороною интеллектуальной дѣятельности, съ сочетаніемъ представленій. Процессъ сочетанія представленій у Маши очень интересенъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ у нея съ чрезвычайной рѣзкостью существованіе механическаго сочетанія представленій: вслѣдъ за даннымъ впечатлѣніемъ, за сказаннымъ или услышаннымъ ею словомъ, — она говоритъ ту или другую реплику, находящуюся въ связи съ первымъ словомъ въ силу ассоціаціи по совмѣстности. Этихъ сочетаній, обязанныхъ совмѣстности полученія впечатлѣній, у Маши очень много, и они-то обуславливаютъ почти все содержаніе ея душевной жизни. Но за то у нея въ высшей степени мало сочетаній другого, болѣе высшаго порядка. Изъ нихъ попадаютъ сочетанія по сходству, но ихъ уже немного; къ нимъ принадлежитъ, напримѣръ, то, что какой бы ключъ ни показать Машѣ, большой или маленькій, она скажетъ «ключъ»; этими сочетаніями по сходству обуславливается узнаваніе Машею носа и глазъ на картинѣ и т. д. Еще меньше у Маши сочетаній такихъ, для которыхъ нужно существованіе какого либо соотношенія между представленіями, напр. сочетаній по причинной зависимости. Такихъ у нея почти совершенно нѣтъ, или, если они и бываютъ, то существуютъ лишь очень короткое время и настолько не прочны, что почти не оставляютъ послѣ себя слѣда. Вслѣдствіе этого Маша не можетъ, напримѣръ, считать; сколько ее ни учили счету, она постоянно путаетъ и, видимо, не имѣетъ понятія о счетѣ. Оттого, хотя у Маши и есть въ нѣкоторой степени способность различенія и узнаванія, но она существуетъ лишь относительно немногихъ предметовъ, и для различенія у нея служатъ лишь грубыя, чисто внѣшнія свойства предметовъ. Различіяи сходства предметовъ по какому-нибудь соотношенію—Маша не постигаетъ. При существованіи грубыхъ признаковъ сходства и различія предметовъ, у Маши возможенъ и актъ сужденія, но въ громадномъ большинствѣ случаевъ сужденіе это и ограничивается лишь констатированіемъ грубой связи. На вопросъ: «что это?» Маша отвѣтитъ часто правильно: ключъ, столъ, носъ. Но это почти все; да и такого рода сужденія существуютъ у нея лишь въ очень небольшомъ количествѣ и бываютъ (на это я обращаю особенное вниманіе) лишь при прямомъ обращеніи къ ней, слѣдовательно, при особомъ напряженіи ея активнаго вниманія, т. е. лишь очень, очень

рѣдко. Въ продолженіе же громадной части времени, активное вниманіе ея бездѣйствуетъ, и акта сужденія совсѣмъ не происходитъ.

Если сужденія у Маши существуютъ въ такомъ ограниченномъ количествѣ, то тѣмъ болѣе ограничено количество умозаключеній, силлогизмовъ. За исключеніемъ очень немногихъ случаевъ, въ родѣ вышеупомянутаго, когда Маша сказала мнѣ: «пусти, батюшка», что произвело на меня впечатлѣніе результата умозаключенія,—я почти не видалъ въ дѣятельности Маши признаковъ дѣйствительнаго умозаключенія. Если у нея и приходится наблюдать какъ бы цѣлесообразныя дѣйствія, которыя у нормальныхъ людей обусловливаются умозаключеніемъ, — то всегда есть какіе-нибудь признаки, по которымъ можно убѣдиться, что у Маши эти дѣйствія не цѣлесообразны, а автоматичны и обусловливаются лишь воспроизведеніемъ видѣнныхъ ею цѣлесообразныхъ дѣйствій другихъ людей. Даже при старательномъ напряженіи ея вниманія, почти не удается получить признаковъ, указывающихъ на дѣйствительное существованіе умозаключенія. Только во время аффектовъ умственная дѣятельность какъ будто повышается, и слова ея, а также и дѣйствія, болѣе соотвѣтствуютъ обстоятельствамъ.

Въ связи съ слабымъ развитіемъ процесса сужденія находится и то, что у Маши замѣчается полное отсутствіе тѣхъ сложныхъ представленій, въ которыхъ связующимъ цементомъ долженъ быть «смыслъ», «причинная зависимость» и «цѣлесообразность», т. е. понятій. Если у нея и бываютъ сужденія, которыя у нормальныхъ людей даютъ основаніе для развитія понятій, то сужденія эти слишкомъ мимолетны и рѣдки; они не хранятся въ психикѣ и потому скользятъ мимо нея безслѣдно, не оставляя прочныхъ слѣдовъ въ видѣ понятій; притомъ, какъ сказано, и эти сужденія бываютъ лишь при искусственномъ возбужденіи активнаго вниманія Маши, а при обычномъ теченіи ея душевной жизни ихъ совсѣмъ нѣтъ. У нея нѣтъ поэтому и возможности образоваться новымъ представленіямъ изъ запаса хранящихся въ ея психикѣ представленій, безъ вліянія внѣшнихъ стимуловъ. Отсюда—отсутствіе сообразительности, такъ какъ то, что въ дѣйствіяхъ Маши можетъ быть объяснено хотя бы ничтожнымъ запасомъ сообразительности, почти всегда можно толковать и какъ результатъ раздраженія и воспроизведенія по памяти примѣровъ дѣйствій людей,

бывшихъ въ такомъ же положеніи. Разсказываютъ про попугая, который, будто бы, попавъ въ рѣку, сталъ звать перевозчика, такъ какъ ему приходилось слышать, какъ люди находящіеся на берегу звали его. Но это, конечно, не сообразительность, а лишь механическое подражаніе цѣлесообразнымъ дѣйствіямъ. Такъ и у Маши. Въ связи съ этимъ недостаткомъ сообразительности, умозаключеній и понятій, находится, конечно, и крайняя бѣдность содержанія умственной жизни Маши. Все то, что составляетъ содержаніе умственной жизни человѣка, даже крайне глупаго, у Маши отсутствуетъ; никакихъ самыхъ простыхъ, обиходныхъ понятій у нея нѣтъ. Это, въ полномъ смыслѣ слова, *tabula rasa* для понятій, да и не только «*rasa*», но такая, на которой нельзя ничего писать, на которой понятія совсѣмъ не могутъ образоваться. Даже простой предусмотрительности, столь обычной у многихъ животныхъ, у Маши нѣтъ.

Переходя къ описанію явленій, относящихся къ области душевнаго чувства, прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что душевныя чувства у Маши вообще очень примитивны. Несомнѣнно, что она можетъ испытывать чувство удовольствія и неудовольствія; но трудно опредѣлить, обусловливаются ли у нея различныя чувствованія какими-нибудь внѣшними впечатлѣніями, или почти исключительно ощущеніями, связанными съ процессами органической жизни. Что она испытываетъ иногда удовольствіе и неудовольствіе отъ внѣшнихъ впечатлѣній, доказывается тѣмъ, что она, напримѣръ, радуется при игрѣ съ подареннымъ ей краснымъ яйцомъ, съ видомъ удовольствія ѣстъ сладкое и, наоборотъ, часто проявляетъ всѣ признаки неудовольствія, когда ей приходится надѣвать старое, полинявшее платье. Чаще всего, однако, какъ удовольствіе, такъ и неудовольствіе не опредѣляются у нея внѣшнимъ мотивомъ; особенно это относится къ чувству неудовольствія. Такія впечатлѣнія, какъ уколъ въ руку, вкусъ горечи и т. п., чаще всего не вызываютъ въ ней никакого неудовольствія; это чувство чаще всего бываетъ у нея совершенно безъ внѣшняго повода и, хотя изливается на какой-нибудь внѣшній предметъ или на самое себя, то вовсе не потому, чтобы этотъ предметъ былъ дѣйствительною причиною ея неудовольствія.

Неудовольствіе выражается у Маши въ угрюмости лица, въ ворчливости, въ удаленіи отъ людей, въ отмахиваніи, въ бросаніи

предметовъ, разрушеніи ихъ, въ стремленіи раздѣться, въ колотушкахъ самой себѣ и очень рѣдко въ колотушкахъ другимъ людямъ, и то исключительно тѣмъ, которые въ это время стараются надѣть на нее платье или дѣлаютъ что-нибудь подобное. Самостоятельно на людей она не набрасывается, въ чемъ, пожалуй, тоже можно видѣть недостатокъ активности. При сильномъ гнѣвѣ у Маши раздуваются ноздри, она крайне сердито бормочетъ, или нечеловѣчески взвизгиваетъ и начинаетъ кусать себѣ руку и царапать лицо, иногда до крови. Обыкновенно такой взрывъ гнѣва бываетъ непродолжителенъ; его можно прекратить, отвлекши вниманіе Маши какою-нибудь картинкою, яблокомъ, надѣвши на нее новое платье и т. п.

Чувство удовольствія выражается у нея въ веселой мимикѣ и въ жестикуляціи, въ наклонности бѣжать къ людямъ, въ пѣніи и смѣхѣ. Такъ какъ у Маши преобладаетъ пріятное настроеніе, то наклонность ея къ смѣху очень велика. Смѣхъ является и самостоятельно, и по подражанію. Онъ поражаетъ утрировкой; Маша всегда, когда смѣется, заливается смѣхомъ; простой улыбки у нея нельзя замѣтить. Притомъ, въ манерѣ смѣяться видна черта неосмысленности, такъ что по характеру ея смѣха невѣроятно, чтобы онъ былъ реакціей на какую-нибудь смѣшную идею; это простой автоматическій актъ, свидѣтельствующій лишь — и то не всегда — о повышенномъ самочувствіи.

Настроеніе Маши большею частью ровное, веселое: она сморитъ на все довольно благодушно и, какъ сказано, часто хохочетъ. Иной разъ, правда, настроеніе ея нѣсколько хуже, и она не такъ много смѣется, чаще произноситъ слова укоризны съ соответствующею мимикой, напоминающей брюжжашую и дѣлающую внушительное наставленіе женщину. Иной же разъ настроеніе ея становится совсѣмъ дурнымъ, и она приходитъ въ гнѣвное раздраженіе. Въ это время она, какъ будто, бранится съ кѣмъ-то, говоритъ бранныя, иногда неприличныя слова, бросаетъ стулья, колотитъ ихъ, колотитъ себя, снимаетъ и бросаетъ свое платье, иногда плачетъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ переходъ въ гнѣвное настроеніе является у Маши безъ всякаго замѣтнаго повода, иногда же по поводу того, что ей не даютъ надѣвать какого-нибудь нравящагося ей платья или новыхъ ботинокъ.

Изъ внѣшнихъ стимуловъ, вызывающихъ тѣ или другія чув-

ствования у Маши, нельзя не отметить, что некоторые из тех стимулов, которые вызывают у нормального человека ощущение эстетического чувства, и у Маши вызывают намеренно эти чувства. Так, ей нравится красный цвет; она очень любит цветные новые платья, любит картинки, красное личико и плачет, когда его разобьет. Она часто напевает и с выражением удовольствия прислушивается к пению. Приятный запах духов она втягивает носом с удовольствием. Наоборот, ощущение нечистоты ей неприятно. Одно время Маша, страдая расстройством кишечника, пачкала свои юбки. Это, видимо, вызвало в ней очень сильное беспокойство, и она постоянно обращала на них свое внимание.

Здесь уместно отметить отношение Маши к музыке. Ей, как сказано, пение приятно; точно также, по видимому, и игра на рояли вызывает в ней удовольствие. При этом, во время игры веселых деревенских мотивов, Маша начинает плясать, размахивая руками, слегка притопывая и помахивая платком. Если от веселого мотива быстро перейти к грустному, то пляска не всегда прекращается, а часто продолжается; но нужно заметить, что начинается она всегда при веселой мелодии.

Обращаясь теперь к другим сторонам эмоциональной сферы Маши, я должен прежде всего отметить, что Маша вообще представляет из себя существо очень добродушное, милое, возбуждающее общую симпатию. Каких-либо злых проявлений у нее нет. Хотя нельзя сказать, чтобы она очень стремилась к обществу, но все-таки, когда она видит людей, входящих в отделение, она чаще направляется к ним, чем бегит от них. Впрочем, она не имеет привычки постоянно находиться рядом с другими людьми. В саду она большею частью ходит одна, совершенно бездельно, иногда поднимая и бросая сучья, листья, снимая и надвывая платок и т. п. Если ее позвать и посадить, она подойдет и сядет, как будто, с удовольствием, но скоро опять пойдет продолжать свою бездельную ходьбу.

При добродушном обращении к ней, она кланяется, кивает головой, говорит «здравствуй», протягивает руку и, видимо, чувствует себя хорошо в присутствии других людей, но через минуту, две, отходит прочь, чтобы бродить, или переставлять что-нибудь в комнате.

Боязни людей и вообще кого бы то ни было у нее совсем

нѣтъ. Если надъ ея головой или передъ ея лицомъ продѣлывать движенія, похожія на побои, то она не выказываетъ рѣшительно никакого страха; если даже съ угрожающимъ видомъ подносить кулакъ къ самому ея носу, она нисколько не боится. Правда, при этомъ она произноситъ фразы, указывающія, что видъ кулака вызвалъ у нея по ассоціаціи какія-то воспроизведенія изъ давно прошедшаго, слышаннаго ею, но совершенно автоматически: «ударъ, матушка, ударъ, бить-то не позволяютъ теперь»; иногда прибавитъ очень неприличное слово, видимо, не понимая его значенія, а воспроизводя, подобно фонографу. Если кто-нибудь изъ больныхъ замахнется на нее или ударитъ ее, Маша часто не высказываетъ никакой реакціи и продолжаетъ стоять на мѣстѣ. Получивъ одинъ разъ неожиданно довольно сильный ударъ отъ одной больной, она только остановилась, развела руками, проговорила: «вотъ поди жь-ты» и, повидимому, тотчасъ забыла объ этомъ.

Наклонности разрушать что-либо и портить у Маши нѣтъ. Напротивъ, у нея замѣтна привычка къ приведенію въ порядокъ; по крайней мѣрѣ, послѣ обѣда она убираетъ столъ, устанавливаетъ стулья,—хотя все это дѣлаетъ очень неосмысленно: начиная протирать окно, только его размазываетъ, переставляетъ стулья безцѣльно и т. д. Во время раздраженія, однако, у нея бываютъ и разрушительныя наклонности: она бросаетъ все, что попадется, иногда рветъ платье; но это бываетъ только въ гнѣвѣ и притомъ въ теченіе короткаго времени. Любовь къ нѣкоторымъ предметамъ у нея есть, но въ слабой степени. Постоянно любимыхъ предметовъ у нея нѣтъ, но нѣкоторыя вещи, напримѣръ, платье краснаго цвѣта, если она носила его нѣсколько дней, она не всегда легко отдаетъ. Одинъ разъ она сердилась, когда ей вмѣсто краснаго, загрязненнаго платья дали новое, полинявшее, и не хотѣла его надѣвать. Если ей самой дать выбирать платье или ботинки, она выберетъ обыкновенно то, что поновѣе. Она обнаруживаетъ пристрастіе къ платкамъ и салфеткамъ и послѣднія часто беретъ со стола и уноситъ съ собою въ карманѣ. Любитъ также яблоки и прячетъ яблоко подъ подушку, завернувъ его въ платокъ. Любитъ картинки и игральныя карты. Одинъ изъ студентовъ, посѣщавшихъ клинику и полюбившій клиническихъ больныхъ, подарилъ Машѣ, на Святой, красное яичко, и Маша очень любила его и

постоянно носила съ собою. Впрочемъ, когда оно испортилось, Маша о немъ не вспомнила.

По поводу этого яйца можно сказать и о существованіи наклонности къ играмъ. Способности и влеченія къ *последовательнымъ* играмъ, такъ замѣтныхъ у нѣкоторыхъ молодыхъ животныхъ, у Маши совсѣмъ нѣтъ. Какъ сказано, она проводитъ большую часть своего времени въ движеніи, но ничего, имѣющаго отгѣнокъ творчества и фантазій, свойственныхъ играмъ, въ этихъ движеніяхъ нѣтъ. Однако, небольшую способность къ игрѣ можно было бы отмѣтить и у Маши. Такъ, то красное яйцо, которое подарилъ Машѣ студентъ, было внутри съ сюрпризомъ, такъ-что при сотрясеніи стучало. Машѣ очень нравилось вытащить яйцо изъ кармана и постучать надъ ухомъ. Когда это яйцо сломалось и ей стали давать обычныя, куриныя яйца, она также подносила къ уху и трясла ихъ.

Отношеніемъ къ этимъ яйцамъ можно иллюстрировать и существованіе у Маши различныхъ привычекъ. Красное яйцо, какъ видно, доставляло ей удовольствіе; если она разбивала его, то плакала, выражала неудовольствіе. Но если его взять у нея такъ, чтобы она не замѣтила, она не спохватится, какъ будто его и не было. Однако, если снова показать его, она обрадуется и даже начнетъ его цѣловать. Такимъ образомъ, видно, что привычки существуютъ у нея въ томъ смыслѣ, что нѣкоторыя впечатлѣнія, повторяющіяся много разъ, вызываютъ въ ней известное расположеніе; но тѣмъ не менѣе отсутствіе привычныхъ впечатлѣній не возбуждаетъ въ ней тревоги и неудовольствія.

Привычки къ людямъ и привязанности у нея тоже очень мало, хотя намеки на это существуютъ. Она относится къ надзирательницѣ и сидѣлкамъ привѣтливо, ласкается ихъ, цѣлуетъ, гладитъ надзирательницу, но не стремится къ нимъ, какъ нѣкоторыя привязчивыя животныя, и не выражаетъ скуки въ ихъ отсутствіи. Впрочемъ, однажды, забѣжавъ случайно въ комнату больной надзирательницы, которую она не видала около недѣли, она выражала чувство живѣйшей радости, цѣловала, обнимала ее и прыгала; но если она эту же надзирательницу не видитъ 2—3 мѣсяца, она, при встрѣчѣ, повидимому, не узнаетъ ея. Больше всѣхъ Маша имѣетъ тяготѣніе къ одной изъ старыхъ сидѣлокъ, давнишней служительницѣ клиникъ, хотя та относится къ ней совершенно такъ же, какъ и остальные. Особой

привязанности къ мѣсту и обстановкѣ у Маши нѣтъ: переведенная въ другую больницу, въ другую среду и помѣщеніе, она совсѣмъ не выказываетъ, что у нея остается воспоминаніе о старомъ.

Если такъ поверхностна у Маши привязанность къ людямъ, то нерасположеніе къ нимъ еще поверхностнѣе. Ни разу не пришлось наблюдать, чтобы у нея было нерасположеніе или ненависть къ кому-нибудь. Повидимому, пріятныя впечатлѣнія, которыя Маша получаетъ отъ другихъ людей, оставляютъ у нея больше слѣда, чѣмъ непріятныя. Непріятныя сглаживаются весьма быстро, а сумма пріятныхъ все таки оставляетъ, по всей вѣроятности, въ душѣ ея кое-что, потому что она, несомнѣнно, гораздо болѣе тяготеетъ къ здоровымъ, отъ которыхъ получаетъ больше пріятныхъ впечатлѣній, чѣмъ къ больнымъ. Но, повторяю, что и это тяготѣніе очень не глубоко, гораздо меньше, чѣмъ то бываетъ, напримѣръ, у собакъ, и совсѣмъ не можетъ равняться съ привязанностью собаки къ хозяину.

При отсутствіи памяти о людяхъ, поверхностности чувства привязанности, конечно, не можетъ быть и рѣчи о дружбѣ. Психическая жизнь Маши не достигаетъ такой степени, чтобы могло развиваться что-либо подобное. Даже простого сочувствія къ другимъ людямъ, она, по уровню своей психической жизни, испытывать не можетъ, главнымъ образомъ, потому, что у нея совершенно отсутствуетъ пониманіе происходящаго около нея. Одно, что у нея, вѣроятно, есть, это то, что можетъ быть названо элементарной основой сочувствія,—способность, и то слабая, испытывать настроеніе окружающей среды, своеобразная внушаемость. Если около нея смѣются, то она разсмѣется и становится веселѣе; но, конечно, и это развито лишь въ очень слабой степени: очень часто около нея бывають рыданія и другія проявленія отчаянія, и она относится къ нимъ вполне равнодушно. Какихъ-либо признаковъ активнаго проявленія сочувствія во все время не удалось у нея подмѣтить.

Да и вообще всѣхъ высшихъ душевныхъ чувствованій, требующихъ для своего существованія—активности, у нея совсѣмъ не существуетъ; нѣтъ поэтому, конечно, того, что можно было бы назвать какою-нибудь доблестью, храбростью, но нѣтъ и соответствующихъ дурныхъ свойствъ: гордости, тщеславія и т. д. Самолюбія, какъ активнаго проявленія, у нея тоже нѣтъ, но нѣтъ сомнѣнія, что ей пріятно, когда съ ней говорятъ ласково, когда

ее глядятъ, когда съ ней весело здороваются; однако и это глубокаго слѣда у нея не оставляетъ и не вызываетъ активнаго желанія къ повторенію. Ревности и зависти совершенно не замѣтно. Но если нѣтъ этихъ дурныхъ свойствъ, то, соотвѣтственно этому, нѣтъ и чувства солидарности, такъ какъ, конечно, нельзя назвать таковымъ то, что она часто подражаетъ другимъ въ ихъ дѣйствіяхъ и дѣйствуетъ съ ними согласно. Это послѣднее случилось замѣчать довольно часто. Такъ, какъ было сказано, Маша часто стряхиваетъ соръ со стола вмѣстѣ съ сидѣлкой, переставляетъ стулья и т. п. Одно время въ клиникѣ была большая, очень любившая молиться; она иногда брала съ собою другую больную: обѣ вмѣстѣ становились передъ образомъ и кланялись въ землю; Маша обыкновенно тоже присоединялась къ нимъ и начинала дѣлать движенія, соотвѣтствующія крестному знаменію, и кланяться въ землю съ свойственной ей утрировкой. Но и этого нельзя назвать проявленіемъ солидарности; вѣроятно, это лишь отраженіе впечатлѣнія давно прошедшаго времени, молитвы въ деревенской церкви, и подражаніе.

Тщеславія у Маши нѣтъ. Но нельзя сказать, чтобы Маша совсѣмъ была безразлична къ нарядамъ. Ей нравится, когда ей дадутъ новое, красное платье. Одинъ разъ, она сильно сердилась, когда его унесли, и ни за что не хотѣла надѣвать другого, рвала его и бросала, успокоившись только тогда, когда принесли новое, хорошее платье.

Чувствованія, связанныя съ представленіемъ о собственности у Маши, вѣроятно есть, хотя слабы. Она различаетъ вещи, которыми пользовалась, отъ другихъ: напримѣръ, свое платье отъ другихъ платьевъ, но такое различіе существуетъ у нея лишь относительно очень немногихъ предметовъ; взять у нея ея вещи обыкновенно не составляетъ никакого труда; она отдаетъ безъ всякаго протеста, хотя, впрочемъ, не всегда: если стараться взять у нея изъ кармана яблоко или игральныя карты, она отбивается и сердится; если эти вещи вынуть, то она кричитъ «отдай» и, схвативъ, убогааетъ, становясь подъ защиту сидѣлки. Нѣкоторыя вещи она хранитъ—подъ подушкой или въ карманѣ. Чужія вещи она, если и беретъ, то совершенно автоматически. Какъ сказано, во время ѣды она перемѣшиваетъ часто свое кушанье съ чужимъ и никогда не сердится, если взять у нея хлѣбъ или что-либо другое.

Беззаботность у нея полнѣйшая, предусмотрительности нѣтъ

и слѣда. О лживости или хитрости нѣтъ и рѣчи. Чувства справедливости въ истинномъ смыслѣ этого слова—нѣтъ. Но говоря объ этомъ, я не могу не отмѣтить, что въ ея дѣйствіяхъ тяготѣніе къ тому, что по обычной человѣческой мѣркѣ относится къ хорошему, гораздо болѣе замѣтно, чѣмъ тяготѣніе къ дурному. Чѣмъ это обуславливается, трудно сказать. Можетъ быть, тѣмъ, что Маша какъ ни какъ, а воспримчива къ интонаціи, съ которою съ нею разговариваютъ, и благодаря тому, что мимикой и интонаціей ей можно внушить, хотя не надолго, пріятное настроеніе или вызвать нѣсколько непріятное, этимъ пользовались для пріученія ея къ необходимымъ хорошимъ дѣйствіямъ. Вѣроятно, отъ постепеннаго накопленія слѣдовъ у нея и развились нѣкоторые императивы и общее, хотя и смутное, чувствованіе того, что слѣдуетъ дѣлать и чего не слѣдуетъ. Благодаря этому, ее и удалось пріучить къ чистоплотности, и эта привычка уже сдѣлалась ея потребностью. Конечно, этого нельзя назвать сознательнымъ чувствомъ долга, въ смыслѣ чувствованія, связаннаго съ сознаніемъ своихъ обязанностей; у Маши сознанія обязанностей нѣтъ; признаковъ, напоминающихъ упреки совѣсти, у нея не замѣтно. Но, если и нѣтъ сознанія обязанностей, то все-таки, потребность выполненія нѣкоторыхъ опредѣленныхъ дѣйствій у нея замѣтна. Это можно видѣть уже изъ того, что Маша исполняетъ нѣкоторыя приказанія: если сказать ей «позови», она побѣжитъ, если сказать «отдай»—отдастъ. Повидимому, при внушительной интонаціи, съ выраженіемъ лица, соответствующимъ осужденію и неудовольствію, у Маши является какое-то смутное безпокойство, похожее на то, какое бываетъ у собакъ. у которыхъ чувство безпокойства за виновность замѣчается при укорахъ со стороны хозяина; но оно гораздо менѣе интенсивно, чѣмъ у собакъ. Это, конечно, указываетъ на зачаточное чувствованіе долга. Въ связи съ этимъ находится и послушаніе, которое вообще у Маши существуетъ въ той степени, въ какой это возможно при крайнемъ недостаткѣ представленій и при полномъ отсутствіи пониманія. Правда, вліяніе приказанія большею частью существуетъ лишь короткое время, но оно все-таки существуетъ.

Что касается до способности подавленія дурныхъ побужденій, то вообще нужно сказать, что дурныхъ побужденій у Маши немного; поступки ея въ большинствѣ случаевъ нельзя назвать дурными или хорошими—они безразличны; они суть проявленія

подвижности, ни на что не направленной. Нѣкоторые изъ этихъ поступковъ могутъ быть механически неудобны для окружающихъ, напр. бѣготня, перестановка стульевъ и т. п., и въ такомъ случаѣ Маша подъ вліяніемъ приказанія можетъ ихъ прекратить: она сядетъ, и можетъ сидѣть долго, покуда ей приказываютъ. Такимъ образомъ, способность прекращать тѣ или другія дѣйствія у нея существуетъ, но, конечно, это происходитъ не изъ сознанія того, что ея дѣйствіе дурно, или кому-либо мѣшаетъ; такого сознанія у нея, повидимому совсѣмъ нѣтъ. Какъ сказано, управлять Машей можно приказаніемъ и внушеніемъ ей того или другого чувствованія интонаціей и мимикой; это почти всегда на нее дѣйствуетъ (за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда Маша разгнѣвана). Этимъ только достигается дисциплина Маши, а не причиненіемъ ей боли. Хотя мнѣ не случалось видѣть, чтобы Машу отучали отъ чего-нибудь причиненіемъ ей боли, но я не думаю, чтобъ этотъ способъ вообще могъ быть для нея пригоденъ, такъ какъ она мало помнитъ непріятности и совсѣмъ не боится ударовъ. Во всякомъ случаѣ, какой-либо надобности въ этомъ средствѣ для дисциплины Маши и не чувствовалось, потому что все, чего у нея удалось достигнуть, достигнуто при помощи повторнаго внушенія, путемъ интонаціи и мимики, то одобрительной, то запретительной. Но, конечно, для допущенія вліянія этого внушенія нужно признать хотя бы и туманное чувствованіе, что есть что-то, что должно дѣлать и чего — не должно. Но если это и такъ, если и вѣрно, что у Маши, можетъ быть, существуетъ какое-то туманное чувствованіе того, что должно и чего не должно, — слѣдуетъ признать, что это чувствованіе у нея очень смутно и не можетъ быть дифференцировано въ какія-нибудь отдѣльныя чувствованія, какъ стыдъ, чувство собственности и тому подобныя. Стыдливости у нея совсѣмъ нѣтъ; хотя у нея, путемъ обученія, удалось развить привычку къ аккуратности въ одеждѣ, но это не обуславливается стыдливостью. Нерѣдко случается, что Маша, приводя въ порядокъ опустившійся чулокъ, при публикѣ поднимаетъ платье далеко выше, чѣмъ слѣдуетъ, и хотя, на замѣчаніе, что «такъ стыдно», повторяетъ «стыдно, матушка», но дѣйствія ея совершенно не соотвѣтствуютъ ея словамъ.

Говоря о томъ, что Маша обладаетъ способностью, хотя и подъ вліяніемъ внѣшняго стимула, подавлять нѣкоторыя побужденія и измѣнять направленія своихъ дѣйствій, мы вступили въ

описаніе явленій, относящихся къ сферѣ воли. Впрочемъ, описывая явленія эмоциональной сферы, невозможно избѣжать этого, такъ какъ нельзя не касаться вызываемыхъ чувствованіями стремленій, да и самое сужденіе о степени развитія того или другого чувства часто основывается на интенсивности того или другого стремленія. Въ виду этого мы уже и изъ предыдущаго описанія знаемъ многое, что касается состоянія сферы воли у Маши. Тѣмъ не менѣе, для полноты изложенія, слѣдуетъ прибавить еще нѣсколько замѣчаній, касающихся этой области.

По отношенію къ волевымъ проявленіямъ у Маши, какъ видно было и изъ предыдущаго, можно отмѣтить только элементарныя проявленія ея; она имѣетъ произвольныя движенія, довольно хорошо координированныя. Она можетъ управлять сфинктерами, можетъ удерживать свои движенія, т.-е. оставаться въ полномъ покоѣ. Она можетъ совершать сложные двигательные акты, требующіе значительной доли ловкости; она сама ѣстъ, сама одѣвается, здороваётся, подавая руку, наконецъ, выражаетъ, хотя и крайне бѣдно, въ словесныхъ звукахъ содержаніе своей душевной жизни.

Въ этомъ заключаются внѣшнія проявленія дѣятельности Маши. Внутреннія проявленія ея тоже существуютъ. Маша можетъ какъ было сказано, сконцентрировать содержаніе душевной жизни на чемъ-нибудь одномъ, имѣетъ, слѣдовательно, нѣкоторую способность вниманія, хотя, въ большинствѣ случаевъ, вниманіе ея кратковременно, и для возбужденія его нужно вліяніе внѣшняго стимула.

Такимъ образомъ, рядъ дѣйствій, какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ, у Маши существуетъ. Спрашивается, что же собственно служитъ мотивомъ дѣйствій Маши? Главнымъ, самымъ обычнымъ мотивомъ дѣйствій служитъ непосредственное разряженіе возбужденія, существующаго въ нервныхъ центрахъ. Маша бѣгаетъ, бормочетъ, большею частью, подъ вліяніемъ одной автоматической потребности въ движеніи. Разнообразіе въ движеніяхъ, производимыхъ ею въ силу этой автоматической потребности, обуславливается частью современными внѣшними впечатлѣніями, частью слѣдами прежнихъ впечатлѣній, возстановляющихся изъ запаса. Нѣкоторыя изъ движеній, происшедшихъ такимъ образомъ, составляютъ сложные акты, вошедшіе въ привычку, и повторяющіеся при разнообразныхъ условіяхъ, иног-

да кстати, иногда не кстати. Но нѣкоторыя изъ движеній Маши принадлежатъ къ другой категоріи и обусловливаются другого рода мотивами. Мы видѣли, что нѣкоторыя внушенія со стороны окружающихъ вызываютъ въ Машѣ особое состояніе, которое заставляеть ее иногда останавливать свои движенія и измѣнять ихъ. Подъ вліяніемъ такого состоянія, Маша въ большинствѣ случаевъ повторяеть въ той или другой послѣдовательности различные заученные ею акты, но это же состояніе, вызванное внушеніемъ, смутнымъ чувствомъ обязанности, является условіемъ для обученія Маши какимъ-нибудь новымъ дѣйствіямъ и для развитіи способности задержки нѣкоторыхъ стремленій. При совершеніи дѣйствій подѣ вліяніемъ такого мотива, у Маши бываетъ иногда замѣтно состояніе нерѣшительности, соотвѣтствующее тому, какое бываетъ у нормальныхъ людей, чувствующихъ, что отъ нихъ хотятъ, чтобъ они что-то сдѣлали, но они не знаютъ, что именно, не имѣютъ опредѣленной цѣли. Нужно, впрочемъ, прибавить, что это бываетъ замѣтно у Маши далеко не всегда. Гораздо чаще Маша очень рѣшительно дѣлаеть что-нибудь, хотя бы и совсѣмъ не подходящее: ей говорятъ: «принеси», а она отвѣчаетъ: «здравствуй»—и подаеть руку. Тѣмъ не менѣе, существованіе туманнаго чувства, побуждающаго къ выбору того или другого дѣйствія, у Маши иногда замѣтно. Это чувство внушается, какъ было сказано, интонаціей и живой энергической мимикой говорящаго съ Машей лица и, слѣдовательно, является исключительно при внѣшнемъ воздѣйствіи. Внутренними же стимулами оно не возбуждается. Почти ни разу не было замѣчено, чтобы дѣйствія Маши могли обусловливаться такими представленіями, какъ представленіе о вредѣ и пользѣ, или вообще разсудочными актами, и, какъ сказано, если дѣйствія Маши и носятъ характеръ цѣлесообразныхъ и разсудительныхъ дѣйствій, то это только потому, что они суть подражанія, образцами для которыхъ служатъ дѣйствія разумныхъ людей. Ихъ цѣлесообразность поэтому лишь внѣшняя. Дѣйствительной цѣлесообразности въ нихъ нѣтъ, что и доказывается тѣмъ, что дѣятельность Маши не можетъ быть приложена къ чему-нибудь разумному, наприм., къ работѣ. Несмотря на то, что Маша очень подвижна и не лѣнива, работать она не можетъ, вслѣдствіе отсутствія пониманія и смысла дѣйствій. Самая простая работа—вытираніе стеколь—производится ею настолько безсмыс-

ленно, что она только третью и размазывает по стеклу, а не вытирает его. Прибирая стулья в комнату, она только бессмысленно переставляет их. Маша, как сказано, с виртуозностью воспроизводит движения шитья, но шить с иглой она не может: она не может усвоить того, что нужно провести иглу с ниткой сквозь ткань.

Таким образом, осмысление совсем не бывает мотивом действий Маши. Иногда бывает мотивом смутное чувство обязанности, послушание. Но и это только при внешнем воздействии, при старательном напряжении ее внимания со стороны окружающих лиц, следовательно, сравнительно в очень небольшом числе случаев. Чаще же всего действия ее являются автоматическим воспроизведением заученных или привычных движений.

В заключение описания состояния Маши, следует сказать несколько слов о состоянии ее сознания. Не вдаваясь в определение того, что такое сознание, чего я касаюсь в другой своей работе *), я должен однако упомянуть, что в том, что дает психическим процессам признак сознательности, я различаю, главным образом, две стороны: одна — интенсивность данного процесса, другая — своеобразное гармоничное сочетание приобретенного из опыта, сочетание «знаний» (со-знание).

Что касается до первой стороны, то у Маши существует известная степень сознания, так как все те психические акты, которые возможны при низкой степени ее душевного развития, представляют, как и у здоровых людей, колебание состояний бодрствования и сна; и во время бодрствования она испытывает массу впечатлений и реагирует на них, чего нет в состоянии сна. Но и во время бодрствования сознание ее крайне неясно, потому что и знаний-то у нея почти нет, да и невозможно то гармоничное сочетание знаний, которое нужно для ясного сознания, — невозможно вследствие громадного дефекта в процессе ассоциации представлений, о котором было сказано выше. Вследствие этого, сознание ее во всю жизнь не достигло такой степени, чтобы она могла сознать самое себя, т. е. чтобы у нея явилось самосознание, свойственное даже очень маленьким детям.

Сопоставляя все вышесказанное, нужно прийти к заключению, что по уровню психического развития Маша стоит на очень

*) Курсь Психіатріи. Москва, 1893, стр. 46 и слѣд.

низкой степени. Въ самомъ дѣлѣ, психическая жизнь ея въ 45 лѣтъ не развилась даже до составленія какихъ бы то ни было понятій, она не имѣетъ сознанія самой себя, она почти не имѣетъ словъ съ опредѣленнымъ значеніемъ, и рѣчь ея не служитъ для общенія. Хотя она и имѣетъ представленія и образы, но проявленія психической жизни ея почти исключительно суть акты автоматическіе, почти рефлекторные. Такимъ образомъ, Маша по уровню своего развитія должна быть причислена къ рѣзко выраженнымъ формамъ идиотизма, именно идиотизма въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, а не тупоумія.

Къ группѣ *идіотозъ въ тѣсномъ смыслѣ слова* должна быть причислена Маша—по психіатрической классификаціи. Но такъ какъ я въ этой статьѣ имѣю въ виду не спеціальныя медицинскія цѣли, а главнымъ образомъ чисто психологическія, и желаю указать, какіе психологическіе вопросы затрогиваетъ наблюденіе такой микроцефалки, какъ Маша, то я и не могу ограничиться однимъ описаніемъ явленій, наблюдаемыхъ у Маши, и обычной медицинской діагностикой, а долженъ остановиться на *анализѣ* нѣкоторыхъ явленій, которыя я считаю особенно важными въ ея психологін.

Итакъ, нѣтъ сомнѣній, что у нашей микроцефалки существуетъ психическая дѣятельность, и притомъ очень живая, но въ то же время чрезвычайно рѣзко отличающаяся отъ психической жизни нормальныхъ людей. Въ чемъ же заключается главное отличіе ея? Постараемся выяснить, постепенно разбирая, насколько Маша отступаетъ въ своихъ психическихъ проявленіяхъ отъ нормы психическихъ свойствъ человѣка.

Прежде всего мы должны остановиться на томъ, насколько организмъ Маши приспособленъ къ первому акту развитія психической жизни, къ полученію ощущеній. Безъ ощущеній не можетъ развиваться психическая жизнь человѣка, и образованіе ихъ составляетъ первый актъ въ процессѣ развитія его психической дѣятельности. Съ этой стороны, Маша, повидимому, не представляетъ никакихъ рѣзкихъ особенностей, такъ какъ всѣ органы чувствъ ея функционируютъ и чувствительность ея въ отношеніи нѣкоторыхъ родовъ чувствъ довольно тонкая.

Второй актъ въ развитіи психической дѣятельности, въ частности,—ея интеллектуальной сферы, составляетъ образованіе представленій. Что представленія у Маши образуются и хранятся въ за-

пасѣ въ видѣ образовъ воспоминаній,—въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. У нея, какъ было видно изъ всего предыдущаго, существуетъ много образовъ тѣхъ предметовъ, которые на нее производили впечатлѣніе. Она различаетъ предметы и нѣкоторые изъ нихъ называетъ опредѣленными названіями (ключъ, ротъ. носъ, платокъ, столъ и пр.). Но предметовъ, которые имѣютъ опредѣленные словесные знаки, у нея не много. Несомнѣнно, что масса образовъ, которые являются въ ея психикѣ, не имѣютъ опредѣленныхъ названій; на эти образы она реагируетъ различно, смотря по ихъ свойствамъ, но не можетъ ихъ назвать какими-либо словами. Она различаетъ меня отъ сидѣлки, больную отъ сидѣлки, хотя назвать никого не умѣетъ.

Но если и существуютъ у Маши образы, и довольно стойкіе, все-таки ихъ гораздо меньше, чѣмъ у нормальныхъ людей. Самое большое количество впечатлѣній, повидимому, совсѣмъ не вызываетъ въ Машѣ воспріятій—не вызываетъ возстановленія образовъ воспоминанія, и эта масса впечатлѣній проходитъ, не оставляя слѣда въ ея психикѣ. Такимъ образомъ, во второмъ актѣ психическаго развитія мы встрѣчаемся у Маши уже съ рѣзко выраженнымъ уменьшеніемъ тѣхъ психическихъ процессовъ, которые характеризуютъ при нормальныхъ условіяхъ этотъ актъ психическаго развитія, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ интеллектуальной сферѣ. Но это уменьшеніе мы видимъ не только въ интеллектуальной сферѣ, но и въ другихъ: въ сферѣ чувства и воли. Такъ, тому акту, который въ интеллектуальной сферѣ характеризуется образованіемъ представленій, въ сферѣ чувства соответствуетъ образованіе элементарныхъ чувствованій удовольствія и неудовольствія. Мы видѣли, что и въ этомъ отношеніи Маша представляетъ довольно рѣзкое количественное отличіе отъ нормальныхъ людей. Она, несомнѣнно, испытываетъ эти чувствованія, но все-таки очень многія внѣшнія впечатлѣнія вовсе не сопровождаются у ней чувственнымъ тономъ. Къ громадному большинству предметовъ и внѣшнихъ вліяній она безразлична: дифференцировка чувствованій у нея ничтожна.

Въ сферѣ воли мы видимъ то же самое. Второму акту въ этой сферѣ будутъ соответствовать движенія, не только координированныя, но составляющія въ своей послѣдовательности двигательныя проявленія, имѣющія видъ какого-либо дѣйствія. О такихъ двигательныхъ проявленіяхъ у Маши мы уже говорили: она одѣвается,

продѣлываетъ подражаніе шитью, дѣлаетъ крестное знаменіе, наконецъ, произноситъ фразы. Но всѣ эти дѣйствія крайне однообразны. Въ ея репертуарѣ есть, такъ сказать, только нѣсколько заученныхъ пьесъ, но нѣтъ того разнообразія, того множества поступковъ, которое характеризуетъ дѣятельность нормальнаго человѣка.

Такимъ образомъ, во второмъ актѣ развитія душевной жизни—мы встрѣчаемся у Маши съ крайней бѣдностью ея, съ рѣзкимъ уменьшеніемъ психическихъ продуктовъ, и эта бѣдность въ сферѣ интеллекта выражается въ маломъ числѣ представленій, въ томъ, что масса впечатлѣній, дѣйствующихъ на Машу, совсѣмъ не вызываютъ образовъ воспоминанія, а потому и проходятъ безслѣдно для душевнаго содержанія.

Отъ чего это зависитъ? Несомнѣнно, это находится въ зависимости отъ дефектовъ, существующихъ въ способности впечатлѣній и образовъ—къ сочетанію, къ образованію сложныхъ ассоціацій.

О томъ, что въ извѣстной мѣрѣ ассоціація представленій и вообще элементарныхъ психическихъ актовъ у Маши существуетъ, мы говорили: примѣровъ этого мы видѣли достаточное количество, такъ какъ множество проявленій психической жизни Маши представляютъ явленія сложные, обязанныя своимъ происхожденіемъ сочетаніямъ представленій и соединенныхъ съ ними двигательныхъ актовъ. Но, какъ мы видѣли, въ сочетаніяхъ этихъ замѣтны рѣзкіе дефекты. У Маши существуютъ ассоціаціи по совмѣстности—и онѣ лежатъ въ основѣ почти всего запаса ея душевнаго содержанія, такъ какъ онѣ крѣпче всего хранятся ея памятью. Гораздо меньше сочетаній по сходству, и хотя нѣкоторыя изъ этихъ сочетаній тоже хранятся памятью, но уже въ гораздо меньшей степени; запасъ такихъ сочетаній не великъ, вслѣдствіе чего и способность узнаванія у Маши очень слабо развита. Но если этихъ сочетаній мало, то все-таки ихъ гораздо больше, чѣмъ сочетаній еще болѣе высокаго порядка, сочетаній, въ которыхъ элементомъ связующимъ должно являться *соотношеніе* предметовъ и явленій,—сочетаній «по смыслу», какъ я ихъ называю. Этихъ сочетаній у Маши *почти* совсѣмъ не происходитъ, что и составляетъ, по моему, самое главное, самое существенное отличіе Маши отъ нормальнаго человѣка, и не только отъ взрослого, но и отъ ребенка, у котораго уже очень рано мы замѣчаемъ образованіе сочетаній «по смыслу». У Маши мы не видимъ продуктовъ сочетаній «по смы-

слу», и потому всего того, что обуславливается ими въ психической жизни нормального человѣка, въ психической жизни Маши нѣтъ. Я смотрю на образованіе продуктовъ сочетаній «по смыслу», какъ на третій актъ развитія психической жизни человѣка, дающій совершенно новый обликъ душевнымъ проявленіямъ, именно—вносящій въ нихъ элементъ „пониманія“ и этотъ - то актъ у Маши почти отсутствуетъ. У нея почти нѣтъ пониманія, нѣтъ понятій, нѣтъ мышленія, нѣтъ смысла во всѣхъ ея чувствованіяхъ и дѣйствіяхъ. Все то, что въ человѣческой жизни обуславливается пониманіемъ, сознаніемъ цѣли, сознаніемъ отношеній, все это у Маши отсутствуетъ, или если и существуетъ, то только въ зачаточномъ состояніи, и вся ея живая психическая дѣятельность—безсмысленна, всѣ ея дѣйствія автоматичны, и сознаніе ея поэтому является лишь простымъ бодрствованіемъ, а не дѣйствительнымъ сознаніемъ, освѣщеннымъ свѣтомъ самосознанія.

Эти особенности, описываемыя нами у Маши, отмѣчаются и другими авторами у всѣхъ микроцефаловъ того типа, о которомъ идетъ рѣчь въ этомъ очеркѣ. Конечно, попадаются малоголовые, т. е. индивидуумы съ крайне малой головой, не представляющіе этихъ особенностей психическаго строя, но они, по всей вѣроятности, принадлежатъ къ другой группѣ малоголовыхъ, у которыхъ малое развитіе костей черепа обуславливается другими причинами и имѣетъ другой патогенезъ, чѣмъ у тѣхъ микроцефаловъ, къ которымъ относится Маша и которые были предметомъ выше-названной монографіи Карла Фохта. По отношенію къ индивидуумамъ этой послѣдней группы всѣ авторы отмѣчаютъ, что у нихъ пониманіе, если и есть, то ничтожное, а Карлъ Фохтъ прямо утверждаетъ, что у микроцефала этого типа—мышленіе совершенно отсутствуетъ: у него не можетъ быть самостоятельной мысли. Хотя это заключеніе К. Фохта, основанное, впрочемъ, на старательной оцѣнкѣ всего, что извѣстно было ему относительно всѣхъ описанныхъ микроцефаловъ,—слишкомъ категорично, такъ какъ при этомъ не принято во вниманіе, что мы можемъ ошибаться въ оцѣнкѣ психическихъ явленій, наблюдаемыхъ у низшихъ существъ,—но тѣмъ не менѣе, для всякаго объективнаго наблюдателя ясно, что, анализируя психическія проявленія микроцефаловъ этого типа, можно замѣтить рѣзкую разницу по отношенію къ ассоціаціямъ различныхъ категорій: механическія ассоціаціи смежности у нихъ очень развиты, ассоціаціи

по сходству существуютъ, но ихъ уже меньше, а ассоціацій «по смыслу» крайне мало или даже почти совершенно нѣтъ.

Вотъ эта-то особенность психическаго строя микроцефаловъ и заслуживаетъ, по моему мнѣнію, большого вниманія психологовъ. Для меня она иллюстрируетъ нѣкоторыя возрѣнія, касающіяся развитія нашего интеллекта, и подтверждаетъ одно изъ важнѣйшихъ положеній теоретической психологін, котораго я держусь, а именно—необходимость признанія особой функціи сочетанія идей въ опредѣленномъ направленіи, признанія въ психикѣ человѣка особой *направляющей* функціи.

По отношенію къ развитію нашей интеллектуальной дѣятельности я держусь возрѣнія, сходнаго съ возрѣніемъ тѣхъ психологовъ, которые (какъ, напримѣръ, Вундтъ) не довольствуются для объясненія интеллектуальныхъ процессовъ простой ассоціативной теоріей, а считаютъ необходимымъ добавить ее предположеніемъ существованія особой направляющей дѣятельности (активной апперцепціи—по Вундту). По моему представленію, наша интеллектуальная дѣятельность получаетъ первоначальный матеріалъ изъ ощущеній. Благодаря громадному количеству получаемыхъ человекомъ ощущеній разнаго качества и различной интенсивности, притомъ различно локализующихся, и благодаря тому, что они не исчезаютъ мгновенно, а оставляютъ слѣды,—ощущенія составляютъ громадный элементарный капиталъ, который и служитъ для развитія дальнѣйшихъ проявленій душевной жизни, и прежде всего—для развитія образовъ предметовъ, или представленій: такъ какъ получаемыя человекомъ ощущенія при своемъ появленіи входятъ черезъ посредство богатой ассоціаціонной сѣти нервныхъ волоконъ въ соечтаніе съ хранящимися въ запасѣ слѣдами прежнихъ ощущеній и такъ какъ психическому организму человѣка принадлежитъ непостижимое свойство проэцировать свою дѣятельность во внѣшній міръ, то и являются изъ ощущеній новыя элементарныя психическія продукты — *представленія*. Представленія могутъ быть чрезвычайно разнообразны въ зависимости отъ ощущеній, изъ которыхъ они развились; а такъ какъ ощущеній у человѣка множество, то и представленій чрезвычайно много. Они входятъ между собою въ обширныя и многочисленныя сочетанія, черезъ посредство ассоціаціонныхъ волоконъ, и образуютъ множество болѣе или менѣе сложныхъ представлений. Сложныя представленія бываютъ очень разнообразны въ

зависимости отъ входящихъ въ составъ ихъ элементовъ и отъ качества ихъ связи, но изъ нихъ особую важность для душевной жизни человѣка имѣютъ тѣ сложныя представленія, которыя называются—*понятіями*.

Я, конечно, разоидусь во взглядѣ со многими профессиональными психологами въ опредѣленіи того, что такое понятіе, но я считаю необходимымъ выяснить, что для меня это слово имѣетъ значеніе очень опредѣленнаго продукта психической дѣятельности, притомъ тѣсно связаннаго съ его филологическимъ смысломъ: понятіе должно имѣть въ себѣ элементомъ пониманіе, или попытку пониманія. Это будетъ яснѣе видно изъ слѣдующаго.

Когда я вижу нѣсколько разъ одинъ и тотъ же предметъ и знаю, съ какими другими предметами этотъ предметъ находится *въ соотношеніи*, я не только имѣю образъ этого предмета въ своей душѣ, но и начинаю понимать его значеніе, понимать, что составляетъ основной признакъ этого предмета; съ даннымъ представленіемъ сочетается представленіе о смыслѣ, лежащемъ въ основѣ различія предмета, соответствующаго этому представленію, отъ другихъ предметовъ, о значеніи и цѣли этого предмета. Это я и называю понятіемъ. Напримѣръ, я вижу знакомаго и говорю, что это—человѣкъ. «Человѣкъ» можетъ обозначать и представленіе, и понятіе; это—понятіе, если я подъ нимъ разумѣю не образъ одного человѣка, а основные признаки человѣческаго существа. Возьмемъ другой примѣръ: когда я вижу ключъ, которымъ отпираютъ замокъ, у меня является сочетаніе представленій его формы, блеска, тяжести и т. п., и въ концѣ концовъ образуется сложное представленіе ключа. До поры до времени это—только представленіе, хотя и сложное.

Но вѣдь, я могу говорить о ключѣ, и не представляя себѣ формы этого ключа, а имѣя въ виду только смыслъ ключа, т. е. предмета, при помощи котораго можно отворять то, что заперто. Въ этомъ случаѣ, слово «ключъ» будетъ обозначать уже не представленіе, а понятіе. Итакъ, для понятія необходимо, чтобы у меня складывался не только образъ предмета, но была бы, хотя и элементарная, попытка понять его значеніе,—понять, что составляетъ основной признакъ этого предмета, что объединяетъ всѣ составные элементы его. Понятія образуются изъ комбинацій представленій, какъ и всѣ сложныя представленія; а отъ другихъ

сложныхъ представлений они отличаются тѣмъ, что въ нихъ связующимъ представленіа цементомъ должно служить то, что короче всего можно назвать «осмысленіемъ». Для образованія понятій недостаточно сочетаній по смежности и одновременности или по одному внѣшнему сходству, а должна быть связь представлений «по смыслу».

Терминъ «связь по смыслу» очень трудно замѣнить какимъ-либо другимъ, хотя я понимаю, что онъ не обозначаетъ ясно того условія, которое я считаю необходимымъ признакомъ «понятія». Его нельзя замѣнить терминами: по «причинной зависимости», по «цѣлесообразности», потому что все это будутъ только частичныя формы тѣхъ соотношеній между предметами, которыя мы опредѣляемъ словомъ «осмысленіе». Мнѣ кажется, что этотъ терминъ будетъ понятнѣе, если я выскажу, что основною задачей осмысленія я считаю объединеніе множества, нахожденіе логическаго единства во множествѣ. Одною изъ функций человѣческой психики, — функций, опредѣляемыхъ непреодолимою потребностью нормальной психической жизни и, вѣроятно, основными свойствами психической организаціи нормальнаго человѣка, является исканіе и нахожденіе единства во множествѣ; удовлетвореніе этой потребности даетъ высшія чувствованія: эстетическія, нравственныя и логическія. Эта-то потребность въ приложеніи къ сочетанію представлений и вызываетъ ихъ комбинацію по принципу логическаго объединенія. Какъ только начинаетъ дѣйствовать притягательная сила логическаго объединенія (осмысленія), начинаютъ образовываться и понятія. Актъ этого объединенія есть логическое сужденіе, продуктъ его — понятіе. Если память хороша, то запасъ образовавшихся понятій составляетъ главный капиталъ ума.

Такимъ образомъ, подъ связью представлений «по смыслу» я разумѣю сочетаніе ихъ по принципу логическаго объединенія, сочетаніе въ силу рокового стремленія найти единое во множествѣ. Эти сочетанія иногда могутъ оставаться только попытками къ такого рода объединенію; но если въ нихъ принимаетъ участіе эта всеобъединяющая функція, они будутъ заслуживать названіе «понятій».

Способность къ образованію большого количества понятій и большой запасъ ихъ составляютъ свойство исключительно человѣческаго интеллекта, въ отличіе отъ интеллекта животныхъ, и

естественно является мысль, что именно въ человѣческой организаціи лежатъ наиболѣе благопріятныя условія для того, чтобы происходили сочетанія по этой высшей связи, т.-е. по смыслу; столь же естественно искать въ головномъ мозгу человѣка условій для этого рода сочетаній. Повидимому, условія эти находятся въ энергичной дѣятельности нѣкоторыхъ отдѣловъ мозговой коры, назначенныхъ для того, чтобы давать направленіе сочетаніямъ представленій между собой. Отъ нервныхъ клѣтокъ, залегающихъ въ этихъ отдѣлахъ, исходитъ импульсъ иннерваціоннаго процесса, служащаго субстратомъ сочетанія представленій «по смыслу», благодаря чему и образуются понятія.

Эти отдѣлы начинаютъ проявлять себя у человѣка очень рано; уже въ первые годы жизни нормальнаго ребенка мы замѣчаемъ у него неудержимое стремленіе къ разрѣшенію задачъ, представляющихся ему среди окружающихъ его явленій; оттого дѣти такъ часто и спрашиваютъ: «почему? и зачѣмъ?» Въ этихъ «почему и зачѣмъ» видны основныя свойства человѣческой психики — находить смыслъ въ окружающихъ предметахъ и сочетать замѣчаемыя явленія по ихъ значенію, по ихъ цѣлесообразности, по ихъ причинной зависимости другъ отъ друга. Я говорю: «причинной зависимости, цѣлесообразности» — потому, что все это входитъ, какъ части, въ понятіе «смысла», составляя проявленія роковой потребности логическаго объединенія.

Гдѣ же локализируются эти отдѣлы, въ какой части мозга должны мы искать аппаратовъ, откуда направляются эти импульсы, какіе элементы служатъ для этой направляющей сочетанія функций? Вопросъ этотъ можетъ быть рѣшенъ только приблизительно. Многими фактами установлено, что ближайшее отношеніе къ умственной дѣятельности имѣютъ полушарія головного мозга и что функции различныхъ отдѣловъ полушарій не одинаковы, и я не буду подробнѣе говорить объ этомъ. Опыты Гольца, произведенные надъ собаками, привели къ заключенію, что хотя у собаки способность замѣщенія функций удаленныхъ или разрушенныхъ частей мозга очень велика (вслѣдствіе чего очень часто явленія, развившіяся послѣ операціи удаленія какой-нибудь части, сглаживаются съ теченіемъ времени), но все-таки и его опытами установлено, что задніе и передніе отдѣлы полушарій имѣютъ не одинаковыя функции. По опытамъ Гольца, при удаленіи у собаки обѣихъ переднихъ долей теряется «умѣнье» производить дѣйствія, при удаленіи же заднихъ — разстраивается способность узна-

ванія. При отнятїи переднихъ долей съ обѣихъ сторонъ, собака, на-
примѣръ, не умѣетъ держать кость лапами, не умѣетъ подавать лапу;
она не можетъ найтись въ затруднительныхъ положенїяхъ, вяла,
тупа. При этомъ у нея остаются привязанности, половая похоть,
сторожливость, злость; она слышитъ, видитъ и обоняетъ. При
удаленїи обоихъ заднихъ отдѣловъ полушарїй собака сохраня-
етъ способность держать кость лапами; умѣнья у нея вообще
больше, но она не узнаетъ (зрѣнїемъ) знакомыхъ людей, дѣлается
равнодушна къ угрожающимъ жестамъ, къ плеткѣ. Таковы экспе-
риментальныя данныя; они съ несомнѣнностью доказываютъ не
только то, что полушарїя имѣютъ отношенїе къ психической дѣя-
тельности, но и то, что функціи различныхъ отдѣловъ полуша-
рїй не совсѣмъ одинаковы по отношенїю къ психическимъ от-
правленїямъ: задніе отдѣлы имѣютъ наибольшее отношенїе къ
чувствованїю и узнаванїю, передніе же — къ направленїю дѣйстви-
и къ умѣнью. Задніе отдѣлы имѣютъ больше отношенїя къ
восприниманїю, передніе же — къ активности. Это соотвѣтствуетъ
и тому, что констатировано многочисленными наблюденїями надъ
человѣкомъ, а именно, что въ корѣ заднихъ отдѣловъ мозга нахо-
дятся центры зрѣнїя, слуха и осязанїя, тогда какъ центры для движе-
ній, психомоторныя центры — находятся впереди.

Отсюда не трудно сдѣлать предположенїе, что тѣ центры,
откуда, главнымъ образомъ, исходятъ двигательныя импульсы,
должны находиться въ переднихъ отдѣлахъ мозга и что, слѣдо-
вательно, въ переднихъ отдѣлахъ мы должны искать и тѣхъ цен-
тровъ, отъ которыхъ исходитъ импульсъ, вліяющій на направленїе
сочетаній идей; импульсъ къ сочетанїю идей есть двигательный
актъ, и потому мы должны локализовать его центры въ перед-
нихъ отдѣлахъ мозговой коры. Въ виду этого естественно является
предположенїе, что значенїе центра, откуда происходитъ направ-
ленїе сочетаній по логическому объединенїю, «по смыслу», съ
вѣроятностью можетъ быть приписано лобнымъ долямъ или пе-
реднимъ отдѣламъ темянныхъ долей, тѣмъ болѣе, что прямыя опыты
Гитцига и Гольца указываютъ, что удаленїе лобныхъ долей у собаки
спеціально вліяетъ на ослабленїе умственныхъ способностей. Благо-
даря функціи элементовъ, залегающихъ въ лобныхъ или темянныхъ
отдѣлахъ, и совершается, можетъ-быть, соединенїе представлений въ
силу принципа логическаго объединенїя, и, благодаря этому, обра-
зуются своеобразныя сложныя представленїя, называемыя понятїями.

Во избѣжаніе недоразумѣній, я долженъ однако прибавить, что, если для образованія понятій и необходимъ, по всей вѣроятности, импульсъ, исходящій изъ переднихъ отдѣловъ полушарій, то это не значитъ, что уже образовавшіяся понятія локализируются только въ этихъ отдѣлахъ. напримѣръ, въ лобныхъ доляхъ. Они локализируются, по всей вѣроятности, во всѣхъ тѣхъ отдѣлахъ коры, въ которыхъ образуются и хранятся всякія представленія, и потому человѣкъ, съ глубокимъ и обширнымъ поврежденіемъ заднихъ отдѣловъ полушарій, будетъ такъ же лишень способности къ умственной дѣятельности, какъ и лишенный переднихъ. Для умственной дѣятельности необходимо гармоническое взаимодействие всѣхъ центровъ психической жизни.

Мысль, что именно въ переднихъ доляхъ нужно искать центровъ, изъ которыхъ исходятъ импульсы для сочетаній «по смыслу», есть, конечно, предположеніе, нуждающееся еще въ подтвержденіи. И вотъ, однимъ изъ подтвержденій этой мысли являются результаты изученія микроцефаловъ. Изъ анализа явленій, представляемыхъ нашей микроцефалкой Машей, мы пришли къ заключенію, что у нея чрезвычайно рѣзко выражается отсутствіе или крайняя бѣдность сочетаній логическихъ, на-ряду съ обиліемъ чисто механическихъ сочетаній, Это уже, само по себѣ, составляетъ весьма важный фактъ, служащій доказательствомъ фізіологической раздѣльности этихъ двухъ родовъ сочетаній. Но этотъ фактъ приобретаетъ еще большее значеніе, когда мы знаемъ, что этому свойству психическихъ явленій соответствуетъ недоразвитіе опредѣленныхъ отдѣловъ головного мозга. У всѣхъ микроцефаловъ, принадлежащихъ къ типу, описанному Карломъ Фохтомъ, къ которому принадлежитъ и Маша, отмѣчалось крайне слабое развитіе именно переднихъ отдѣловъ полушарій, особенно темянныхъ и лобныхъ долей, и, конечно, этотъ фактъ въ значительной мѣрѣ гармонируетъ со взглядомъ, по которому переднимъ отдѣламъ полушарій, и въ частности лобнымъ (или темяннымъ) долямъ, слѣдуетъ приписать значеніе центровъ, изъ которыхъ исходитъ сочетаніе идей въ опредѣленномъ направленіи, со взглядомъ, утверждающимъ, что тамъ нужно искать исходный пунктъ энергіи, направляющей умъ.

Изслѣдованіе психологіи микроцефаловъ представляетъ еще много интересныхъ фактовъ, которые могли бы послужить для выясненія или иллюстраціи нѣкоторыхъ психологическихъ воз-

зрѣній, на примѣръ, относящихся до теоріи сознанія, теоріи развитія чувствованій, теоріи вниманія, но и такъ мой очеркъ вышелъ слишкомъ длиннымъ, и я не могу затрогивать такіе важные вопросы. Тѣмъ болѣе, что самое главное, чему насъ можетъ научить изученіе микроцефала съ психологической точки зрѣнія, это, по моему мнѣнію, то, на чемъ я довольно подробно остановился, а именно: это изученіе заставляетъ насъ считать необходимымъ признаніе *физиологической* раздѣльности процессовъ, лежащихъ въ основѣ механическихъ сочетаній и сочетаній логическихъ, т.-е. имѣющихъ цѣлью логическое объединеніе. А физиологическая раздѣльность этихъ двухъ родовъ сочетаній заставляетъ признать существованіе физиологической функціи, направляющей сочетанія въ смыслѣ логическаго объединенія, или, говоря иначе, направляющей функціи ума и *высшей направляющей функціи разума**).

Многіе психологи, вмѣстѣ съ Вундтомъ, считаютъ, что для объясненія умственной дѣятельности недостаточно предположенія простыхъ ассоціативныхъ процессовъ, а нужно еще допустить существованіе дѣятельности, имѣющей содержаніемъ своимъ направленіе сочетаній. Это — «активная апперцепція» Вундта. Необходимость допущенія такой направляющей дѣятельности вытекаетъ уже изъ того, что мы не можемъ отрицать у людей самыхъ различныхъ національностей и различныхъ историческихъ періодовъ — единства логики и единства многихъ другихъ высшихъ проявленій душевной жизни, какъ, на примѣръ, нравственнаго императива въ широкомъ смыслѣ этого слова. Для объясненія этого единства недостаточно однихъ механическихъ ассоціаций смежности и одновременности и даже простыхъ сочетаній по внѣшнему сходству, — нужны еще сочетанія представленій, болѣе глубокія, совершающіяся по извѣстному, единому для всего рода человѣческаго, направленію. Только признавая существованіе направляющей функціи, и можно объяснить высшія проявленія разума и его единство для всѣхъ нормальныхъ людей.

*) Во избѣжаніе недоразумѣнія, я считаю нужнымъ прибавить, что, признавая физиологическую раздѣльность сочетаній по смежности и сходству отъ сочетаній логическихъ и видя одно изъ основаній для этого различія въ томъ, въ какой степени участвуетъ въ образованіи сочетаній различныхъ категорій — направляющая функція, я однако не хочу сказать, чтобы направляющая функція *совѣсть* не вліяла на образованіе сочетаній по смежности и сходству; она вліяетъ на ихъ образованіе, но въ меньшей степени, и именно, меньше всего въ ассоціацияхъ по смежности, нѣсколько болѣе — въ ассоціацияхъ сходства.

Я сказалъ, что Вундтъ называетъ функцію, завѣдующую логическими сочетаніями—активной апперцепціей. Я избѣгаю употреблять это названіе, а говорю или просто «направляющая функція»; или «направляющая сила ума, или разума». Я это дѣлаю потому, что Вундтовская апперцепція (сколько я могу понять его нѣсколько туманное изложеніе этого предмета)—есть высшее проявленіе сознательности. Апперцепція его есть приведеніе психическихъ актовъ въ ясный пунктъ сознанія. Правда, съ этимъ соединено и дѣйствіе, и даже мускульное движеніе, и дѣйствіе это заключается въ логическомъ сочетаніи представленій,—но на первомъ планѣ все-таки стоитъ наибольшая ясность сознанія.

Мнѣ кажется, что нельзя такъ соединять двѣ функціи: одну—приведеніе въ ясный пунктъ сознанія, а другую — направленіе сочетаній по принципу логическаго объединенія. Есть факты, служащіе указаніемъ, что сочетанія по этому принципу совершаются и ниже уровня яснаго сознанія. Высшія творческія сочетанія, происходящія во время поэтическаго вдохновенія, совершаются въ силу роковой потребности объединенія и чаще всего безъ отчетливаго сознанія, и только готовый результатъ является въ ясномъ полѣ сознанія, да и то не всегда. То же можно сказать и о сочетаніяхъ, лежащихъ въ основѣ геніальныхъ открытій, художественнаго творчества и высокихъ нравственныхъ дѣяній. Это и заставляетъ меня считать, что «направляющая функція разума» должна быть отдѣлена отъ высшей сознательной дѣятельности, отъ активной апперцепціи, для которой активное вниманіе является главнымъ орудіемъ.

Правда, очень часто эти функціи дѣйствуютъ и развиваются параллельно, но все-таки онѣ не тождественны. Активная апперцепція есть приведеніе психическихъ актовъ въ наиболѣе ясный пунктъ сознанія, а направляющая функція разума есть болѣе широкая и болѣе глубокая дѣятельность, заключающаяся вообще въ сочетаніи идей, чувствованій и стремленій—по опредѣленному направленію. Эта дѣятельность присуща человѣческой организаціи; она есть результатъ спеціальнаго дифференцированія физиологическихъ отправленій нервныхъ центровъ человѣка; она обусловливаетъ образованіе понятій, она обусловливаетъ гармонію высшихъ проявленій разума. Ея дѣятельность можетъ быть и ниже уровня сознанія. Конечно, активная апперцепція пользуется этой общей и глубокой функціей: для приведенія психическихъ

актовъ въ ясный пунктъ сознанія необходимо, чтобы была возможность активнаго, произвольнаго сочетанія идей (а именно это и происходитъ при активной апперцепціи); но это только одна часть дѣятельности направляющей функціи ума. Правда, это—часть очень важная, не только по своему непосредственному значенію для ясности сознанія, но и потому, что этимъ путемъ дается способъ произвольнаго приложенія направляющей функціи, а это даетъ возможность не только направлять ее для тѣхъ или другихъ цѣлей сознанія, но и стимулировать и развивать ее. Въ произвольномъ вниманіи, обращенномъ на то или другое, мы имѣемъ способъ концентрировать физиологическія функціи именно на этой направляющей дѣятельности и тѣмъ имѣемъ возможность упражнять ее, усиливать и развивать. Отсюда — величайшее значеніе дисциплины активнаго вниманія для каждаго человѣка, отсюда и то, что даже люди очень даровитые, съ обширнымъ запасомъ направляющихъ сочетанія импульсовъ, должны много и активно работать, чтобы ихъ сила не растрчивалась попусту. Насколько активное вниманіе увеличиваетъ проявленіе этой силы, можно видѣть на той же Машѣ, которая была предметомъ этого очерка. У Маши функція, управляющая сочетаніями логическими, крайне слаба; проявленія ея дѣятельности чрезвычайно немногочисленны, но мы видимъ, что и у нея подъ вліяніемъ тѣхъ стимуловъ, которые возбуждаютъ у нея, хотя бы на короткое время, активное вниманіе, — является усиленіе процесса сочетаній по смыслу, являются, хотя очень небольшія, проявленія этого процесса въ видѣ смутнаго сознанія какой-то цѣли, въ видѣ послушанія, хотя и недостаточно осмысленнаго, а иногда даже въ словахъ, наводящихъ на мысль объ существующей, хотя и слабой, разумности.

Въ заключеніе я долженъ прибавить, что признаніе существованія функціи, заключающейся въ направленіи сочетаній по опредѣленному плану, который можетъ быть названъ разумнымъ, — кажется для многихъ уступкой метафизическимъ воззрѣніямъ. Но я совершенно не согласенъ съ этимъ. Разумъ человѣка не есть что-то метафизическое, — это такое свойство психической дѣятельности человѣка, съ которымъ мы имѣемъ дѣло на каждомъ шагу. Правда, мы не можемъ еще дать этому понятію точнаго опредѣленія, но намъ постоянно приходится дѣлать различеніе того, что разумно и что неразумно, — слѣдовательно, непо-

средственное пониманіе того, что такое разумъ, у насъ имѣется. Для разума, какъ свойства нормальной человѣческой организациі, мы должны предполагать и субстратъ, и механизмъ, и вотъ, для уясненія этого механизма является почти необходимымъ предположеніе направляющей сочетанія функціи. Лишь опредѣленіе сущности того направленія, по которому должны происходить различныя сочетанія, ставить насъ лицомъ къ лицу съ нѣкоторыми метафизическими воззрѣніями, но и оно еще не вводитъ насъ въ ихъ область, такъ какъ здѣсь мы и останавливаемся, ограничиваясь въ этомъ опредѣленіи простой символической формулой: мы говоримъ, что понятіе разума и смысла (когда говорятъ объ осмысленныхъ сочетаніяхъ) уясняется больше всего представленіемъ о нахожденіи этимъ путемъ *единою во множествѣ*. Несмотря на кажущуюся метафизичность этой формулы, она, однако, не можетъ считаться таковой, потому что является выраженіемъ результатовъ эмпирическаго изслѣдованія и выводомъ, сдѣланнымъ изъ анализа множества проявленій душевной жизни человѣка.

Но если предположеніе существованія направляющей функціи разума и не есть предположеніе метафизическое, а результатъ наблюденій и опыта, тѣмъ не менѣе оно все-таки остается только предположеніемъ, съ которымъ далеко не всѣ психологи-эмпирики могутъ согласиться. Въ виду этого и всякій фактъ, который можетъ намъ уяснить значеніе этой функціи и, тѣмъ болѣе, подтвердить существованіе ея, имѣетъ неоспоримое значеніе. Къ такимъ фактамъ принадлежатъ, по моему мнѣнію, и данныя, добываемыя изученіемъ микроцефаловъ.

К. Ф. ШИШЕВЪ, Москва

К. Ф. ШИШЕВЪ, Москва